

С.Г. Рункевич

Письма аскета.

Из переписки
архим. Игнатия Брянчанинова с С.Д. Нечаевым.

Христианское чтение. 1895. № 5-6. С. 553-595.

ПИСЬМА АСКЕТА.

Изъ переписки архимандрита Игнатія Брянчанинова съ С. Д. Не-
чаевымъ.

ВЕРСТАХЪ въ 20 отъ Петербурга, по балтійской дорогѣ, въ живописной мѣстности на берегу моря расположена одна изъ замѣчательныхъ нашихъ обителей—Сергіева пустынь. По великолѣпію зданій, по числу братіи, по строгому монастырскому чину и вообще по внѣшнему и внутреннему благоустройству Сергіева пустынь считается въ настоящее время въ ряду первостепенныхъ монастырей. Однако это было не всегда.

Прекрасная репутація пустыни установилась за нею не очень давно. Основанная въ 1734 году, пустынь, состоявшая подъ управленіемъ викарныхъ епископовъ петербургской митрополіи и никогда не имѣвшая своихъ настоятелей, черезъ сто лѣтъ послѣ своего основанія пришла въ большое запустѣніе. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ нашего столѣтія Сергіева пустынь имѣла только тринадцать человѣкъ монашесствующей братіи. Зданія были запущены; церковь представляла собою годными къ дальнѣйшему существованію однѣ стѣны; настоятельскій корпусъ въ полномъ разрушеніи. Не было никакого порядка ни внѣшняго, ни внутренняго. Незначительное число братіи жило безъ мира между собою и далеко не являло въ своей средѣ примѣра благочестивой жизни. Своимъ нынѣшнимъ процвѣтаніемъ пустынь болѣе всего обязана назначенному въ 1833 году по Высочайшему изволенію ея настоятелемъ, прославившемуся впоследствии среди вышшаго монашества богослову-аскету, архимандриту Игнатію Брянчанинову.

Архимандритъ Игнатій, въ мѣрѣ Дмитрій Александровичъ Брянчаниновъ, родился 6 февраля 1807 года въ селѣ Покровскомъ, грязовецкаго уѣзда, вологодской губерніи. Его отецъ, пажъ Павлова вѣка, принадлежавшій къ старой дворянской фамиліи, унаслѣдовалъ отъ своего отца большое состояніе и большіе долги. Покончивъ съ послѣдними, онъ не имѣлъ возможности оставаться въ столицѣ и принужденъ былъ удовольствоваться долею помѣщика, все еще состоятельнаго: у него оставалось чистыхъ отъ долговъ до 400 душъ. Болѣзненный мальчикъ, родившійся поздно, росъ безъ сверстниковъ, не по возрасту серьезный, задумчивый, впечатлительный. Ему въ раннемъ дѣтствѣ пришлось ознакомиться съ книгами Христова завѣта и житіями святыхъ, и его впечатлительное, чистое, кроткое сердце нашло здѣсь для себя богатую пищу: молитва стала для него лучшимъ утѣшеніемъ, радостью, и въ дѣтскіе еще годы онъ испыталъ сладость молитвенныхъ слезъ. Шестнадцати лѣтъ онъ былъ привезенъ въ Петербургъ для опредѣленія въ инженерное училище, и по конкурсу ста тридцати человѣкъ на тридцать вакансій поступилъ первымъ. Прекрасные его успѣхи и представительная паружность обратили на него вниманіе будущаго императора Россіи Николая Павловича, бывшаго тогда генераль-инспекторомъ инженеровъ. Великій князь пригласилъ Брянчанинова въ свой Аничковскій дворецъ и представилъ его своей супругѣ великой княгинѣ Александрѣ Феодоровнѣ, которая приказала зачислить молодого инженера ея пенсіонеромъ. Блистательно прошедши юнкерскіе классы училища, Брянчаниновъ въ 1824 году переведенъ былъ въ нижній офицерскій классъ, что нынѣ Николаевская инженерная академія, и 13 декабря этого года получилъ первый офицерскій чинъ инженеръ-прапорщика.

Наряду съ успѣхами въ ученіи Брянчаниновъ оказывалъ выдающіеся успѣхи и въ свѣтскомъ обществѣ. Родственныя связи ввели его въ домъ президента академіи художествъ и члена государственнаго совѣта Алексѣя Николаевича Оленина, у котораго на литературныхъ вечерахъ собиралось все лучшее общество и между прочимъ бывали Пушкинъ, Крыловъ, Батюшковъ, Гнѣдичъ. И среди такихъ лицъ Брянчаниновъ оказался любимымъ чтецомъ, а его поэтическія и литератур-

ныя дарованія приобрѣли ему вниманіе знаменитостей того времени.

А рядомъ со всѣмъ этимъ развивалась все болѣе и болѣе иная, внутренняя жизнь. „Вступилъ я въ военную и вмѣстѣ ученую службу“,—пишетъ о себѣ Игнатій въ своемъ „Плачѣ“,— „не по своему избранію и желанію. Тогда я не смѣлъ, не умѣлъ желать ничего, потому что не нашелъ еще Истины, не увидѣлъ Ея ясно, чтобы пожелать Ее. Науки человѣческія, изобрѣтеніе падшаго человѣческаго разума, сдѣлались предметомъ моего вниманія; къ нимъ я устремился всѣми силами души. Неопредѣленные занятія и ощущенія религіозныя оставались въ сторонѣ. Протекли почти два года въ занятіяхъ земныхъ, родилась и уже возрасла въ душѣ моей какая-то страшная пустота, явился голодъ, явилась тоска невыносимая по Богѣ. Я началъ оплакивать нерадѣніе мое, оплакивать то забвеніе, которому я предаль вѣру, оплакивать сладостную тишину, которую я потерялъ, оплакивать ту пустоту, которую я приобрѣлъ, которая меня тяготила, ужасала, наполняя ощущеніемъ сиротства, лишенія жизни. И точно—это было томленіе души, удалившейся отъ источника жизни своей—Бога. Вспоминаю: иду по улицамъ Петербурга въ мундирѣ юнкера, и слезы градомъ льются изъ очей...“

„Въ то время разнообразныя религіозныя идеи занимали и волновали столицу сѣверную, препирались, боролись между собою. Ни та, ни другая сторона не нравились моему сердцу; оно не довѣряло имъ, оно страшилось ихъ. Въ строгихъ думкахъ снялъ я мундиръ юнкера и надѣлъ мундиръ офицера. Я сожалѣлъ о юнкерскомъ мундирѣ: въ немъ можно было, приходи въ храмъ Божій, стать въ толпѣ солдатъ, въ толпѣ простолюдиновъ, молиться и рыдать, сколько душѣ угодно. Не до веселій, не до развлеченій было юношѣ! Міръ не представлялъ мнѣ ничего примагиваго; я былъ къ нему такъ хладенъ, какъ будто міръ былъ вовсе безъ соблазновъ! Точно ихъ не существовало для меня: мой умъ былъ весь погруженъ въ науки и вмѣстѣ горѣлъ желаніемъ узнать, гдѣ кроется истинная вѣра, гдѣ кроется истинное ученіе о ней, чуждое заблужденій и догматическихъ, и правственныхъ“¹⁾...

¹⁾ Сочиненія епископа Игнатія Брянчанинова. Томъ первый. Изданіе второе. Спб. 1886. Стр. 553—554.

Каждую субботу и воскресенье Брянчаниновъ сталъ ходить къ инокамъ валаамскаго подворья исповѣдаться и причащаться св. таинъ. Валаамскіе иноки были люди благочестивые, но простые, склонные болѣе къ внѣшнему подвигу, чѣмъ къ внутреннему благочестію. Они не могли удовлетворить образованнаго искателя подвига. Но въ то время въ Александро-Невской лаврѣ жили нѣкоторые ученики извѣстныхъ въ свое время старцевъ Θεодора и Леонида, опытныхъ въ духовной жизни мужей, слышавшихъ наставленіе извѣстнаго молдавскаго старца Паисія Величковскаго и его ближайшихъ учениковъ: монахи Ааронъ, Харитонъ, Іоанникій, духовникъ о. Аѳанасій. Къ нимъ и обратился Брянчаниновъ.

Духовнымъ стремленіямъ юноши суждено было выдержать испытаніе. Отецъ, не допускавшій и мысли о несвѣтской карьерѣ своего сына, узнавъ о его посѣщеніяхъ монаховъ, написалъ горячее письмо начальнику училища графу Сиверсу, своему прежнему товарищу въ пажахъ, и достигъ того, что Брянчанинову воспрещено было посѣщеніе лавры. И только личная бесѣда съ благостнымъ тогдашнимъ петербургскимъ владыкою, митрополитомъ Серафимомъ, снова открыла юношѣ двери монашескихъ келлій.

Въ 1826 году прибылъ въ Петербургъ и остановился въ лаврѣ упомянутый уже нами старецъ Леонидъ. Нечего и говорить, что молодой Брянчаниновъ поспѣшилъ свидѣться со старцемъ. Бесѣда съ нимъ рѣшила участь Брянчанинова: онъ безповоротно рѣшилъ оставить военную службу и идти въ монастырь. Лѣтомъ онъ съѣздилъ домой и старался всѣми способами приготовить къ перемѣнѣ своей судьбы своихъ родителей, но не успѣлъ въ этомъ нисколько. Опечаленный, онъ однако не измѣнилъ своихъ намѣреній, помня слова Спасителя: „иже любить отца или мать паче Мене, нѣсть Мене достоинъ“ (Матѳ. X, 37). Выдержавъ послѣдній экзамень въ декабрѣ, попрежнему первымъ, онъ подалъ въ отставку.

Но здѣсь началось въ жизни Брянчанинова нѣчто необычайное, величественное, напоминающее древнія времена христіанства.

Государь императоръ Николай Павловичъ, узнавъ о поданной Брянчаниновымъ просьбѣ, поручилъ своему августѣй-

шему брату, генераль-инспектору инженеровъ, великому князю Михаилу Павловичу отговорить всѣми любимаго инженера отъ его намѣренія. Брянчаниновъ былъ призванъ во дворецъ къ великому князю, и когда несмотря ни на ласку, ни на строгость великаго князя остался твердъ въ своемъ намѣреніи, получилъ объявленіе Высочайшей Его Императорскаго Величества воли въ двадцать четыре часа выѣхать изъ Петербурга къ мѣсту эту же волей опредѣленнаго ему служенія въ Динабургъ.

Пути Божіи неисповѣдимы, но благостны. Покорный волѣ царя, Брянчаниновъ отправился въ Динабургъ руководить производствомъ различныхъ построекъ и земляныхъ работъ въ крѣпости. Свою наболѣвшую душу онъ облегчалъ только перепиской со старцемъ Леонидомъ. Слабый здоровьемъ, Брянчаниновъ не могъ выносить отправленія своихъ трудныхъ обязанностей и почти непрерывно былъ боленъ. Осенью 1827 года Динабургъ посѣтилъ великій князь Михаилъ Павловичъ. Убѣдившись въ неизлечимомъ томленіи и нездоровьи Брянчанинова, онъ согласился, наконецъ, принять его отставку.

Началась новая жизнь. Въ одеждѣ простолюдина прибылъ инженеръ-поручикъ въ Петербургъ, чтобы не медля отправиться отсюда въ Александро-Свирскій монастырь къ пребывавшему тамъ старцу Леониду. Въ монастырѣ Брянчанинову опредѣлено было первое послушаніе служить на поварнѣ. Поваромъ былъ бывший крѣпостной человѣкъ его отца. Этотъ человѣкъ въ первый же день послалъ Брянчанинова за мукою въ амбаръ и бросилъ ему мѣшокъ, обдавшій его всего бѣлою пылью. Новый послушникъ взялъ мѣшокъ и пошелъ. Въ амбарѣ, когда онъ растянулъ мѣшокъ обѣими руками и по приказанію повара перехватилъ его зубами, чтобы удобнѣе было всыпать муку, онъ ощутилъ въ сердцѣ новое, странное духовное движеніе, какого еще не испытывалъ никогда: полное забвеніе своего я въ монашескомъ смиреніи такъ усладило его тогда, что онъ во всю жизнь поминалъ этотъ случай.

Черезъ годъ, вмѣстѣ съ о. Леонидомъ, Брянчаниновъ переселился въ Площанскую пустынь, орловской епархіи. Строитель этой пустыни, однако, скоро разошелся съ о. Леонидомъ и распорядился выселить его изъ монастыря съ его учениками,

предоставивъ имъ отправляться куда угодно. Получивъ собранныхъ монахами въ складчину пять рублей на дорогу, Брянчаниновъ, вмѣстѣ съ другимъ своимъ сотоварищемъ по училищу и подвижничеству Чихачовымъ, отправился сначала въ Бѣлобережскую пустынь и, непринятый здѣсь, перешелъ въ Оптину, гдѣ поселился о. Леонидъ. Недолго пробывъ и тамъ, онъ зиму 1829 года провелъ у отца, а въ февралѣ 1830 года снова отправился въ монастырь Кирилло-Новозерскій. Сырой климатъ былъ причиною тяжелой непрерывной болѣзни Брянчанинова въ этомъ монастырѣ. Онъ долженъ былъ снова переселиться къ отцу. Отсюда, оправившись, перешелъ въ Семигородную пустынь, затѣмъ въ февралѣ 1831 года въ болѣе уединенный Глушицкій Діонисіевъ монастырь, гдѣ и былъ зачисленъ въ послушники вологодскимъ преосвященнымъ Стефаномъ, узнавшимъ и полюбившимъ его. 28 іюня 1831 года преосвященный Стефанъ постригъ Брянчанинова въ монахи, а въ самомъ началѣ слѣдующаго года назначилъ его строителемъ Пельшемскаго Лопотова монастыря, посвятивъ предварительно въ іеромонашескій санъ. 28 мая 1833 года іеромонахъ Игнатій возведенъ былъ въ санъ игумена.

Испытанія оканчивались, начиналось избраніе. Государь вспомнилъ о своемъ бывшемъ воспитанникѣ и пожелалъ его видѣть. Аудіенція состоялась. Государь въ заключеніи своей бесѣды сказалъ Игнатію: „Ты мнѣ правишься, какъ и прежде. Ты у меня въ долгу за воспитаніе и за мою любовь къ тебѣ. Ты не хотѣлъ служить у меня тамъ, гдѣ я предполагалъ тебя поставить, избралъ по своему произволу путь: на немъ и уплати мнѣ долгъ твой. Я тебѣ даю Сергіеву пустынь, хочу, чтобы ты жилъ въ ней и сдѣлалъ бы изъ нея монастырь, который въ глазахъ столицы былъ бы образцомъ монастырей“. Затѣмъ государь повелъ Игнатія на половину государыни. Государыня очень милостиво отнеслась къ своему бывшему пенсіонеру и подвела къ его благословенію всѣхъ августѣйшихъ своихъ дѣтей. Немедленно былъ приглашенъ обер-прокуроръ Св. Синода С. Д. Нечаевъ, и Высочайшая воля получила должное исполненіе: Сергіева пустынь была изъята изъ-подъ управленія петербургскаго викарнаго епископа и

передана новому настоятелю, который 1 января 1834 года въ Казанскомъ соборѣ былъ посвященъ въ архимандрита ¹⁾.

Завязавшееся во дворцѣ государя знакомство между архимандритомъ Игнатіемъ и Стефаномъ Дмитріевичемъ Нечаевымъ продолжалось долгіе годы. Отзвукомъ этого знакомства и является печатаемая ниже переписка. Хотя письма архимандрита Игнатія адресованы одному лицу и имѣютъ видъ частной переписки, но они не имѣютъ характера узко-личнаго, и по богатству внутренняго своего содержанія примѣнимы ко всѣмъ людямъ въ различныхъ обстоятельствахъ ихъ жизни: такова сила таланта и духовной мудрости ихъ автора. Обстоятельства жизни, добрый характеръ и особенная душевная настроенность С. Д. Нечаева, не чуждаго отчасти мистицизма, нуждались въ духовномъ утѣшеніи, наставленіи, совѣтѣ; а великая духовная опытность сергіевского архимандрита шла навстрѣчу этой потребности.

Всѣхъ писемъ архимандрита Игнатія къ С. Д. Нечаеву сохранилось въ бумагахъ послѣдняго тридцать одно. Они тщательно и бережно извлечены изъ домашняго архива сыномъ покойнаго Стефана Дмитріевича Дмитріемъ Стефановичемъ Нечаевымъ и предоставляются страницамъ „Христіанскаго Чтенія“ вънадеждѣ, что такъ же высоко будутъ оцѣнены и читателями почтеннаго академическаго журнала эти плоды духовной мудрости, какъ они оцѣнены уже многими лицами, ознакомившимися съ ними по рукописи.

Первое письмо относится къ 1834 году, писано 17 октября.

1 Ваше превосходительство, милостивѣйшій государь,

Стефанъ Дмитріевичъ!

Ждали мы васъ въ столицу,—дождались неприятной вѣсти о вашей болѣзни. Таковъ обычай верховнаго Царя Царей: Онъ, *и хъ-же любитъ, наказуетъ, бьетъ же всякаго сына, его же пріемлетъ.*

Тѣснясь въ предѣлахъ человѣческаго сужденія, помышлялъ я,

¹⁾ «Сочиненія», т. 1, 3—44 «Живнеописаніе епископа Игнатія Брянчанинова, составленное его ближайшими учениками въ 1881 году».

что вы здѣсь очень нужны; но *изъ судъ Божій и изъ человѣческой*. Хотѣлось бы мнѣ васъ видѣть опять въ вашемъ домѣ, окруженнаго семействомъ, радостнаго, довольнаго, но Господь, утверждающій нашу къ Нему любовь злостью, попустилъ разсыпаться вамъ въ разныя стороны, какъ зернамъ пшеницы.

Вспомните, почтеннѣйшій мой благодѣтель, что Законоположникъ нашъ претерпѣлъ крестъ, и послѣдователямъ и слугамъ Своимъ предвозвѣстилъ: *въ мѣръ скорбни будете!*—Отчего же скорбни? Оттого, что *мѣръ васъ возненавидитъ*, и самый *Отецъ Мой всякую розгу творящую плодъ, отребитъ ю, да множайшій плодъ принесетъ*. Итакъ, благодумствуйте посреди волненія, предайте себя волѣ Божіей, съ радостію и благодареніемъ переносите болѣзнь, вѣдая, что тѣлесными болѣзнями исцѣляется душа. Повторяйте почаще сію молитву: *Господи, буди воля Твоя!* Она кратка, но заключаетъ въ себѣ обширный смыслъ и весьма сильно дѣйствуетъ къ успокоенію человѣка, находящагося въ печали. Сіе узналъ я отчасти на собственномъ опытѣ. Но зачѣмъ ссылаюсь на ничтожный опытъ, когда Самъ Спаситель міра произносилъ сію священную молитву въ вертоградѣ, и сею молитвою преграждалъ прошенія, исторгаемыя немощію человѣчества.

Не могу и я похвастать своимъ здоровьемъ. Предъ отъѣздомъ вашимъ захворалъ, но отъѣздъ очень расхворался, былъ боленъ въ продолженіе всего лѣта, и теперь дохвариваю.

Надѣюсь на милость Божию, ожидаю того пріятнаго часа, въ который васъ увижу лицомъ къ лицу. Господь да возвратитъ вамъ доброе здоровье, дабы, облуча и тѣлесными силами, и всякимъ довольствомъ, призობлювали во всякое дѣло благое о Христѣ Иисусѣ Господѣ нашемъ,—и вообще для Церкви, и въ частности для истинныхъ ея членовъ.

Съ искреннимъ почтеніемъ и преданностію честь имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшій слуга и богомолецъ Архимандритъ Игнатій.

Въ письмѣ отъ 26 марта 1835 года архимандритъ Игнатій просилъ оказать покровительство подателю письма, „честному и благонамѣренному монаху Серафиму“, желавшему протупить въ Сергіеву пустынь. При запискѣ отъ 1 апрѣля было представлено „для цензуры и для доставленія ея превосходительству“ какое-то письмо. Записка заключена словами: „Желаю вамъ встрѣтить радостно пресвѣтлый празд-

никъ, въ который надѣюсь лично вамъ сказать *Христосъ воскрес!*“ Отъ 26 мая архимандритъ написалъ двѣ строчки: „Аще Господь восхоцетъ и живъ буду, постараюсь явиться къ вамъ 27 числа“. 30 мая онъ писалъ:

Ваше превосходительство!

Въ понедѣльникъ не смѣлъ уже я беспокоить васъ, предполагая, что вы довольно утомились отъ понесенныхъ трудовъ утромъ. Гостить у меня Василій Ѳеодоровичъ г. Янъ¹⁾,—но мыслями мы весьма съ нимъ не сходимся. По всему видно, что онъ занимается внутреннею молитвою. Она молитва есть высочайшій, труднѣйшій и многоскорбѣйшій подвигъ, требующій и полного самоотверженія, и правильности мыслей. Въ противномъ случаѣ—отецъ лжи, пріемлюшій видъ ангела свѣтлаго, приближается къ сердцу съ притворнымъ услажденіемъ, которое ощутивъ челоуѣкъ и почитая оное благодатию божественною, утверждаетъ въ своей прелести и начинаетъ показывать ея плоды съ нѣкоторыми признаками какъ бы сумасшествія. Для такового, говорить св. Іоаннъ Лѣтвичникъ, крайне нужна Божія помощь: ибо челоуѣками таковой не излечимъ. И подлинно, согласится ли принять духовный совѣтъ отъ ближняго тотъ, кто думаетъ (если и не говоритъ сего), что/благодать его наставница? Натурально ли, чтобъ сознался въ невѣжествѣ, въ прелести тотъ, кто думаетъ, что онъ все видитъ ясно и здраво и въ душѣ своей ощущаетъ горнее утѣшеніе? Нахожу я положеніе г. Яна крайне опаснымъ, ибо онъ жнетъ уже плоды воего подвига неправильнаго: видна въ немъ задумчивость и часто трѣть свои ребра съ болѣзненнымъ выраженіемъ на лицѣ. Тѣ части, къ коимъ прикасается врагъ, когда челоуѣкъ привлекаетъ его къ себѣ, суть ребра; благодатное дѣйствіе ощущается въ горнихъ частяхъ персей. Чтеніе г. Яна состояють Ѳома Кемпекій, Арнтъ (за коихъ онъ стоитъ горю), а о писателяхъ святыхъ воее и понятія не имѣеть. Чтобъ ему оказать помощь, непременно нужно его перевести отъ первыхъ кладезей ко вторымъ. Я вижу, что мои хлопоты будутъ безуспѣшны; онъ очень противустоитъ, и мое состояніе находить весьма опаснымъ, что справедливо по моей грѣшной жизни, а не

¹⁾ В. Ѳ. Янъ—коллежскій ассесоръ, архивариусъ Коммиссіи духовныхъ училищъ, назначенный 15 февраля 1836 года смотрителемъ с.-петербургской епархіальной типографіи.—Архивъ канц. об.-прок. св. синод., дѣло № 6094. — Въ началѣ 1836 года онъ хлопоталъ о разрѣшеніи ему издавать «Житіицу духовную, или плоды креста», которая предполагена была въ составѣ ивъ 30 томовъ избранныхъ статей ивъ «Христіанскаго Чтенія». — Собр. мн. и отв. м. Филарета, т. II, стр. 374—375.

по мыслямъ, заимствованнымъ отъ св. отцовъ. Ваше къ нему расположеніе можетъ быть подѣйствуетъ сильнѣе: ибо онъ опытами убѣжденъ что вы ищете его пользы. А мнѣ лучше не входить съ нимъ ни въ какія сужденія, въ кои вошелъ я единственно по приверженности моей къ вамъ. Довольно, предовольно, если буду взирать на грѣхи свои, стремиться къ покаянію и плачу, и на сію спасительную ниву изгонять вѣренное мнѣ стадо жезломъ примѣра и ученія. Вотъ мое видѣніе, вотъ мое наслажденіе, — наследство праотца моего Адама, искавшаго наслажденія въ плачѣ послѣ утраты сладостей райскихъ. Если удѣлъ нашъ въ сей жизни болѣзновать о себѣ, и тѣмъ болѣе утѣшаться, чѣмъ въ большей мѣрѣ сія болѣзнь, то едва ли останется время соблазновать. И не осталось бы, говорить св. Макарій, если бы милосердый Богъ не выводилъ насъ изъ внутренней клятвы нашей для пользы ближняго.

Простите, что худо писалъ: глаза очень слабы. Желаю вамъ всѣхъ благъ отъ руки Создательной и всему вашему семейству благословенія. Съ искреннѣйшею преданностію и почтеніемъ честию имѣю быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Архимандритъ Игнатій.

1. іюня къ С. Д. Нечаеву отправлялся В. Θ. Янъ. О. Игнатій, пересылая съ нимъ составленное имъ житіе св. Владиміра равноапостольнаго ¹⁾, писалъ: „Изготовляя оно, имѣлъ я въ виду единственно изготовить по вашей цѣли. Другіе предлагали мнѣ другое. Почему прошу васъ взглянуть на оно. За вашимъ отвѣтомъ явлюсь, Богъ дастъ, лично самъ, и если вы утвердите порядокъ и образъ составленія, то не замедлю представлять точно также и прочія въ семь видѣ заготовленные жизнеописанія“.

„Василію Федоровичу понравилось, кажется, монастырское жительство. Ваша искренняя любовь и христіанское попеченіе могутъ убѣдить его, дабы онъ нѣкоторыя свои идеи, возвышающіяся на Разумъ Христовъ, преклонилъ предъ онымъ Разумомъ необъемлемымъ. Что касается до внѣшнихъ предметовъ, то бесѣду его

¹⁾ Представляя государю императору въ мартѣ 1835 года экземпляръ «Христіанскаго Чтенія», С. Д. Нечаевъ въ то же время имѣлъ счастье довести до Высочайшаго Его Величества свѣдѣнія, что Св. Синодъ имѣетъ предположеніе издавать въ пользу простолюдиновъ, между коими грамотность годъ отъ году умножается, отдѣльные житія святыхъ, взаимствуя ихъ назъ Минеи-Четы, такъ какъ для этихъ людей такія повѣствованія и любимиѣ, и понятнѣе, и полезнѣе всякаго другого рода сочиненій. Государь призналъ эту мысль полезною. Св. Синодъ возложилъ составленіе житій на архимандрита Игнатія. Житіе св. Владиміра было первымъ опытомъ архимандрита Игнатія.

нахожу весьма пріятною: видно, что онъ проводилъ внимательнѣйшую жизнь и накопилъ много опытности. Но духовныя начала у насъ совершенно различныя. Сія разница не могла произвестъ духа единенія, единенія устъ, единенія сердца, но не помѣшала мнѣ весьма полюбить его, какъ кроткаго и благоразумнаго человѣка“.

На слѣдующій день, 2 іюня, архимандритъ Игнатій писалъ: „Вчерашняго дня очень желалось мнѣ быть у васъ, дабы проститься съ вами и съ семействомъ вашимъ; но лихорадка, довольно упрямая, не позволяетъ мнѣ выходить изъ комнаты. Сдѣлайте одолженіе, извѣстите меня, когда вы намѣрены отправиться изъ Петербурга и когда могу къ вамъ явиться, не помѣшавъ сборамъ и не умноживъ суетливости, со сборами неразлучной.“

Моего доброхота покорнѣйшій слуга и богомолецъ Архимандритъ Игнатій“.

Письмо 26 августа:

Ваше превосходительство!

Когда былъ я у васъ, то много мы бесѣдовали о крестѣ Господнемъ, который по-истинѣ есть иго благое и бремя легкое. Пріѣхавъ въ обитель, я получилъ подарокъ: 14-го числа, предъ утренею, видѣлъ сонъ: какъ будто хочу подать нищимъ милостыню и для сего вынимаю изъ своего кармана кошелькъ, изъ коего вдругъ выскочилъ мнѣ на ладонь ярко свѣтящійся золотой крестъ. Въ тотъ же день я занемогъ, а 16-го слегъ въ постель; приключилась горячка; семь дней не принималъ никакой пищи; теперь хотя и получше, но очень слабъ. Съ того времени, какъ я въ Петербургѣ, не проводилъ я дней моихъ съ такою пріятностію, какъ сіи дни болѣзни. Точно крестъ Господень есть иго благое и бремя легкое, а со Іисусомъ и на Голгоѣ рай.

Представилъ я житіе великаго князя Владиміра. Было ли оно въ Синодѣ? Одобрено ли? Можно ли по сему образцу представить и нѣкоторыя другія житія, уже приготовленныя?—Потрудитесь сообщить мнѣ наставленіе ваше по сему предмету чрезъ о. Михайла.

Простите! Дай, Господи, вамъ всего добраго“.

Отъ 12 ноября архимандритъ Игнатій прислалъ С. Д. Нечаеву корректурные листы житія св. Владиміра равноапостольнаго при записочкѣ, которую заключалъ словами: „Будьте здоровы! Будьте радостны! Будьте богоугодны! Ей такъ. О семъ усердно Господа молитѣ“.

Отъ 12 декабря о. Игнатій прислалъ письмо съ ходатайствомъ за послушника Соловецкаго монастыря Алексѣя По-

година, который, получивъ отъ своего епархіальнаго начальства двухмѣсячный отпускъ, дожидался паспорта въ Воронежъ. „Въ ожиданіи рѣшенія, писалъ о. Игнатій, юноша пришелъ ко мнѣ въ обитель, оная ему понравилась, понравился и онъ мнѣ, почему, обрѣтши покой, отложилъ намѣреніе искать покоя и рѣшился остаться въ Сергіевой пустыни, если Богу будетъ угодно“. О. Игнатій просилъ вернуть прошеніе Погодина о выдачѣ паспорта и замолвить слово митрополиту объ опредѣленіи соловецкаго послушника въ пустынь.

Въ записочкѣ отъ 24 декабря о. Игнатій извиняется, что не могъ явиться къ С. Д. Нечаеву, будучи занятъ церковною службой, выражаетъ готовность „служить обѣдню въ церкви ея сіятельства во вторникъ, въ назначенный день и часъ“, и поздравляетъ съ наступающимъ праздникомъ.

24 февраля 1836 года С. Д. Нечаевъ получилъ Высочайшее соизволеніе на четырехмѣсячный отпускъ ¹⁾ и собирался въ Москву. Архимандритъ Игнатій въ запискѣ отъ 25 февраля 1836 года писалъ ему: „Одинъ пріѣзжій мой родственникъ подарилъ мнѣ двѣ бутылки водки домашней, очень хорошей. Я вспомнилъ о своемъ путешественникѣ, которому въ дорогѣ, при сырой погодѣ, онѣ очень могутъ пригодиться. Почему, къ вамъ ихъ присылая, усердно прошу во здравіе кушать и вспоминать—того, кто ихъ прислалъ“.

Нѣсколько времени спустя, безъ помѣты числомъ, но во всякомъ случаѣ не позднѣе весны 1836 года о. Игнатій писалъ С. Д. Нечаеву въ Москву изъ Петербурга, изъ кабинета Ивана Якимовича Мальцова, что пріѣхалъ въ Петербургъ нѣкій докторъ Гессе, изгоняющій очень успѣшно солитера посредствомъ какой-то микстуры, пропорція которой изготовляется для каждаго паціента различно, смотря по тѣлосложенію и „прочимъ обстоятельствамъ“.

1836 годъ внесъ большія переменны въ жизнь С. Д. Нечаева. 25 іюня оберъ-прокуроромъ Св. Синода назначенъ графъ Н. А. Протасовъ, а С. Д. Нечаевъ получилъ чинъ тайнаго

¹⁾ Архивъ св. синода, дѣло 1836 г., № 692.

совѣтника и остался, въ званіи сенатора, навсегда уже въ Москвѣ. Проживая въ своемъ домѣ близъ Дѣвичья поля, онъ свои досуги посвятилъ дѣламъ благотворительности, и состоялъ до конца своихъ дней безсмѣнно президентомъ московскаго комитета о просящихъ милостыни. Переписка съ архимандритомъ Игнатіемъ, повидимому, прекратилась, и была снова возобновлена лишь года черезъ три. Ближайшее письмо о. Игнатія, изъ сохранившихся въ бумагахъ С. Д. Нечаева, помѣчено 20 октября 1839 года.

Вотъ оно:

Ваше превосходительство,
милостивый государь!

Какое живое, вмѣстѣ тихое, духовное утѣшеніе пролилось въ мое сердце, когда принялъ я въ руки поданный пакетъ съ надписью вашей руки, — тѣмъ болѣе, когда началъ я чтеніе словъ, дышащихъ любовію. Точно, — любовь николиже отпадаетъ.

Вотъ! Вы попечитель нищихъ, часто богатыхъ вѣрою и переходящихъ съ гноища на лоно Авраамово. Въ лицѣ сей меньшей братіи Христовой, Самъ Христосъ пріемлетъ ваши попеченія и ваше служеніе, точно такъ, какъ принялъ бы Онъ и въ лицѣ служителей церковныхъ. Наружность не такъ блестящая, сущность та же. О! сколько есть служеній славныхъ, приманивающихъ честолюбіе, занимающихъ и воспаляющихъ воображеніе: но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Приходитъ смерть, призываетъ къ жизни безъ призраковъ; на это приглашеніе, какъ бы оно горько ни было, никто не можетъ сдѣлать отказа. Идутъ цари, не свершивъ огромныхъ предположенныхъ плановъ, отъ исполненія которыхъ могли бы благоденствовать милліоны народа; идутъ геніи, покинувъ начатое для удивленія потомства; идутъ законодатели, не достроивъ законодательныхъ сводовъ; въ одно мгновеніе отлагаются знаки отличія и громкіе титулы, на пріобрѣтеніе коихъ употреблена вся жизнь. Богатые вѣрою, напротивъ, становятся еще богаче: ибо смертію вступаютъ въ существенное обладаніе тѣмъ, чѣмъ до смерти обладали только вѣрою. Вамъ, такъ какъ и себѣ, почтеннѣйшій Стефанъ Дмитріевичъ, желаю въ Бога богатѣть.

Вы желаете имѣть портретъ мой? Вашъ портретъ имѣю, получивъ оный изъ рукъ вашихъ; имѣю портретъ души вашей въ памяти, въ сердцѣ. Мое грѣшное лицо не достойно быть изображеннымъ кистію художника. Вмѣсто этой кисти, пусть мо-

гильный червь точить глаза, осквернившіяся страстнымъ зрѣніемъ; пусть точить уста, отверзавшіяся для словъ, коими прогнѣвается Богъ; пусть точить всѣ члены, бывшіе орудіемъ преступленія. Если же, не смотря на мое недостойнство, какимъ либо случаемъ изобразится портретъ мой, то постараюсь исполнить желаніе ваше, внушенное любовію.

Христось посреди насъ есть и всегда будетъ.

Вашего превосходительства покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Архимандритъ Игнатій.

За этимъ письмомъ скоро послѣдовали другія: переписка оживилась.

Ваше превосходительство,
милостивѣйшій государь!

Вотъ! опять я предъ вами просителемъ; это для меня не трудно. Ваше постоянное во мнѣ и обстоятельствахъ моихъ участіе было постояннымъ и надежнымъ пристанищемъ просьбъ моихъ. Сергіева пустынь получила близъ ограды своей до 200 десятинъ земли на основаніи той Высочайшей воли, которая, вы помните, почему и какъ состоялась. Эту землю, состоящую единственно изъ болотъ, монастырь осушилъ, расчистилъ, завелъ на оной хозяйственный хуторъ съ запашкою и скотоводствомъ. Доходы сего хутора, если все покроется и впредь такимъ благословіемъ, каковымъ покрывается нынѣ, можно полагать до 30-ти тысячъ въ годъ. Продаемъ молока въ мѣсяць рублей на тысячу, иногда на двѣ. При такомъ умноженіи монастырскаго дохода способомъ невиннымъ, самый монастырь долженъ придти въ цвѣтущее положеніе. Итакъ, земля составляетъ существенное достоинство монастыря. Планы на оную въ настоящее время находятся въ московской межевой канцеляріи. Покорнѣйше васъ прошу не оставить меня и обитель вашимъ милостивымъ ходатайствомъ, — замолвите слово по приложенной при семъ *запискѣ*.

Съ чувствомъ сердечной привязанности къ незабвенному другу, съ сердцемъ котораго сердце мое часто сливалось въ одно ощущеніе, емь навсегда...

1840 года марта 15-го дня.

Когда бываю уединенъ — часто живо мнѣ представляется, всегда съ пріятнѣйшею улыбкою. Тогда сердце ваше сердцу моему *въстѣ* подаетъ.

Воистину воскрес Христосъ!

Ваше превосходительство,
милостивѣйшій гусударь

Стефанъ Дмитріевичъ!

Пишу къ вамъ, тихо бесѣдую съ вами, какъ бы съ присутствующимъ, и получаю ваше письмо, въ которомъ вы замѣчаете, что мы писали другъ къ другу въ одно время. Усерднѣйше благодарю васъ за пособіе, оказанное обители нашей. Съ пріятностію читалъ я письмо Стурдзы ¹⁾ и избранныя повѣсти о милосердіи изъ житій святыхъ отцовъ ²⁾. Это прочное средство къ поддержанію и усовершенствованію въ благочестивомъ и добромъ российскомъ народѣ по природѣ сильной склонности къ вспоможенію ближнимъ. Вы спрашиваете, почему начатое при васъ изданіе отдѣльныхъ житій, принятое публикою столь благосклонно, нынѣ остановлено? Что вамъ на это отвѣчать? Этому причиною страсти человѣческія. Письмо о монашествѣ ³⁾, очень дѣльное, оставляю у себя на недѣлю, чтобы имѣть время сдѣлать нѣкоторыя примѣчанія, и препроводить оныя къ вамъ. Не была ли у васъ въ рукахъ книжка писемъ задонскаго затворника Георгія? Вотъ духовный писатель, ушедшій далеко отъ всѣхъ духовныхъ писателей нашего времени. Дворянинъ, воинъ, онъ сложилъ у себя оружіе вещественное, чтобы вступить въ поприще брани духовной, провелъ въ неисходномъ затворѣ семнадцать лѣтъ и скончался въ 36-мъ году, будучи 47-ми лѣтъ отъ роду, духовнымъ успѣхомъ замѣнивъ лѣта многа. Писалъ онъ многимъ, къ нему расположеннымъ, особамъ письма, которыя по смерти его собраны, сколько можно было собрать, и напечатаны. Съ пера его текутъ струи благодатныя, и недостатокство вишняго образованія замѣняется обильнымъ достоинствомъ духовнымъ. Книжка сія сдѣлалась одною изъ моихъ настольныхъ. Въ Москвѣ можно ее достать. Вы будете пить чашу утѣшенія, которая вамъ теперь нужна. Святый Іоаннъ Богословъ, когда увидѣлъ рай, наполненный святыми бѣлоризцами, и спросилъ, кто эти бѣлоризцы, то ему было сказано: это тѣ, которые пришли, претерпѣвъ великія скорби; они вымыли одежды свои и убѣлили одежды свои кровію Агнца. Таковъ обычай Царя небеснаго: кого любить наказуетъ, бьетъ всякаго сына, о кото-

¹⁾ Александръ Скарлатовичъ Стурдза, тайный совѣтникъ, скончался 13 іюня 1854 г. Авторъ книги «О должностяхъ священнаго сана» и другихъ духовныхъ книгъ.

²⁾ Брошюра была издана въ пользу комитета о просящихъ милостыни.

³⁾ Составленное А. С. Стурдзою.

ромъ благоволилъ (Евр. гл. XII). Пишу вамъ съ натуры; если еще не знаете, то, конечно, узнаете отъ Мальцовыхъ ¹⁾. Вы можете видѣть мое сердце: оно и грѣшно, и не чисто, но любить безкорыстно. Въ томъ, что вы желали и желаете мнѣ добра, удостовѣрялъ меня и теперь удостовѣряетъ самый опытъ. Желайте добра не тлѣннаго, не временнаго, но истиннаго, которое доставить мнѣ Самъ Господь, подающій любящимъ Его чашу страданій въ сей краткой земной жизни. — Навсегда вашъ

покорнѣйшій слуга и богомолецъ

Архимандритъ Игнатій.

1840 года
Апрѣля 29-го дня.

Ваше превосходительство,
милостивѣйшій государь Стефанъ Дмитріевичъ.

Препровождаю при семъ письмо о монашествѣ, которое прочиталъ я неоднократно съ удовольствіемъ и о которомъ имѣлъ честь въ прошломъ письмѣ, по вашей любви ко мнѣ и моей къ вамъ, сказать мое не тяжеловѣсное мнѣніе: оно очень дѣльно. По тому же чувству, по желанію вашему и моему обѣщанію, не останавливаюсь и замѣтить, не для критики, но съ желаніемъ принести посильную услугу:

1) По мнѣнію моему, происхожденіе монашества не довольно правильно изложено. Оно не есть плодъ гоненій, хотя нѣкоторые, точно, удалились въ пустыни отъ гоненія. Нѣсколько частныхъ случаевъ не дозволяютъ заключать о цѣломъ. Это объясняется въ особенности тѣмъ, что пустыни начали наполняться монахами по окончаніи гоненій, во время коихъ пустынножителей было весьма мало. Вотъ наружное доказательство; есть и внутреннее, сильнѣйшее: почти всѣ иноки древніе входили въ искушенія явныя отъ бѣсовъ, послѣ чего искушенія отъ челоуѣковъ не страшны. Такимъ ли бояться мучителей? Антоній Великій, когда услышалъ о начавшемся гоненіи въ Александріи, пришелъ туда, объявилъ себя христіаниномъ, желалъ мучиться, но никто не посмѣлъ возложить рукъ на него: ибо и монашество есть долговременное мученіе. Отъ чего же явилось монашество? Въ первые три вѣка Церковь Христова была гонима правительствомъ. Принять христіанство значило лишиться всѣхъ правъ гражданства, всего имущества, самой жизни. Принятіе христіанства не могло быть, какъ слѣдствіемъ сильнаго убѣжденія. Христіане жили, какъ пригово-

¹⁾ С. Д. Нецаевъ былъ женатъ на Софьѣ Сергѣевнѣ Мальцовой.

ренные къ смерти, не зная, въ который часъ Женихъ придетъ, — приготовлялись къ смерти, расточая тѣльное имущество нищимъ, пребывая непрестанно въ молитвахъ и сердцемъ живя болѣе на небѣ, нежели на землѣ. Весьма многіе проводили жизнь дѣвственную, подвижническую—вѣѣ. Не было мысли о забавахъ, роскоши, стяжаніи, своеволии. Можно сказать, вѣѣ были монахами; аскаты были совершенными монахами, не имѣя платья монашескаго, какъ и клиръ не отличатся одеждами во время гоненій отъ общества. Когда гоненія прекратились, то жизнь христіанъ посреѣ градовъ измѣнилась, ослабла. Вѣру христіанскую принимали не всегда по одному убѣжденію, но весьма часто по обычаю; вступило въ Церковь много гнилыхъ удовъ, кои во время гоненій тотчасъ бы обнаружились отпаденіемъ; общество христіанское посреѣ градовъ измѣнилось. Женѣ—Церкви, коей первородный плодъ, ликъ мученической, восхищенъ къ Богу на небо, даны были два крыла орла великаго—бѣжать въ пустыню: явился ликъ монашествующій.

2) Недостаточно объяснена разность между мірянникомъ и монахомъ, столь явная изъ словъ Спасителя къ юношѣ: *еще хочещи спастися, заповѣди сохрани: не убей, не прелюбодѣйствуй, не укради и проч.* Вотъ дѣятельность мірянина, коей цѣль—*спасеніе*. На вопросъ юноши, *что есмь не докончилъ*, Господь научаетъ, что есть въ христіанскомъ жительствѣ *совершенство*; кто хочетъ онаго достигнуть, долженъ сперва оставить все земное, и потомъ, обнаженный отъ всего, принять трудъ о достиженіи совершенства. Это изображаетъ и евангельская притча, въ коей царствіе небесное уподобляется купцу, узнавшему, что на нѣкоторомъ селѣ скрыто сокровище, и продавшему все имѣніе для покупки села того, замѣтите, а не сокровища. Святой Макарій Египетскій говоритъ, что тотъ, кто расточилъ имѣніе, оставилъ все пріятное земное, удалился въ пустыню — еще ничего не сдѣлалъ, только обнажился для вступленія въ поприще,—неизвѣстно, достигнетъ ли цѣли.

Совершенство христіанское состоитъ въ чистотѣ сердечной, коей является Богъ, обнаруживающій Свое пребываніе въ сердцѣ многоразличными дарами Духа Святаго. Достигнувшій сего совершенства есть свѣтильникъ, не тѣлеснымъ служеніемъ, но служеніемъ Духа исполняющій заповѣдь любви къ ближнему, руководящій *спасающихся*, возсталяющій ихъ отъ паденій, цѣлящій ихъ душевныя раны. Монашескій ликъ доставилъ Церкви Христовой настырей, которые не препретьельными словесами человѣческой мудрости, но словесами Духа, споспѣшествуя ученію

чудесами, пасли и утверждали Церковь. Вотъ почему Церковь по окончаніи мученій представлена бѣжавшею въ пустыню. Туда бѣжало совершенство церковное, источникъ свѣта церковнаго, главная сила Церкви воинствующей. Кто были Златоустъ, Василій Великій, Епифаній, Алексій и Филиппъ митрополиты, — словомъ, все святые пастыри? Но и не въ чинѣ архіерейскомъ, а въ простомъ монашескомъ есть много свѣтильниковъ отъ Антонія Великаго, Іоанна Дамаскина, до Сергія Радонежскаго и Георгія Затворника. Вѣру утверждали, ереси обличали и попрали. Безъ монаховъ пропало бы христіанство въ мірыахъ. Вотъ сколь необходимо въ Церкви Христовой *совершенство*, безъ коего и *спасеніе* съ самою вѣрою легко можетъ утратиться, и непременно утратится: ибо нужны чувства, обученныя долгимъ временемъ, въ различеніе добра отъ зла (Евр.). Сего совершенства достигали въ первенствующей Церкви аскеты и мученики, послѣ — монахи. Безбрачіе, нестяжаніе, пость, трудъ, бдѣніе, дѣятельная любовь, это — орудія, средства къ достиженію совершенства, но не самое *совершенство*. Кажется, въ письмѣ объ этомъ сказано темно, отчего различіе и необходимость монашества выставлены не въ полной силѣ. Хорошо бы сочинителю прочитать бесѣды Макарія Египетскаго, и слово усилить понятіями духовными. Скажутъ: какой гордый отзывъ о монашествѣ, обличающій гордость сердца. Отвѣчаемъ: въ темной комнатѣ значительная нечистота не примѣтна; въ освѣщенной яркими лучами солнца тонкій прахъ весьма замѣтенъ и беспокоитъ хозяина. Духъ Святый есть учитель смиренія; вселившись въ сердце, вздыхаетъ воздыханіями неизглаголаннми и показываетъ чловѣку ничтожность праведности его, какъ говоритъ Исаія: вся наша правда, яко порть жены блудницы. Настоящая льявольская гордость — отвергать даръ Божій существующій, какъ бы не существующій.

Навсегда вашъ преданнѣйшій

Архимандритъ Игнатій.

Мая 5-го дня.
1840 года.

Ваше превосходительство,

милостивѣйшій государь!

Опять предъ глазами моими почеркъ вашей руки, который всегда возвѣщалъ мнѣ пріятнѣйшія ощущенія, долженствующія наполнить душу. Теперь довольно поглядѣть, или лучше взглянуть на этотъ почеркъ, чтобъ отворить дверь въ сердце для множе-

ства сладостныхъ впечатлѣній. Благодарю васъ за присланныя книжки,—сказатели полезныхъ трудовъ вашихъ: въ *Первыхъ Отчетахъ Комитета*, достигши чтеніемъ § 9-го, я торжествовалъ духовно, видя, что пища для плоти соединена съ пищею для души; особливо — назидательное чтеніе при работахъ есть новостъ въ Россіи въ наше время, воскрешеніе древняго обычая благоустроеннѣйшихъ монастырей; при отгнаніи праздности отъ тѣла, отгоняется сія мать пороковъ и отъ ума,—это превосходно!—Благодарю васъ за милостивое слово, замолвленное о планахъ земли, принадлежащей Сергіевой пустыни, которые теперь уже въ рукахъ нашихъ.

Наконецъ! Горѣ имѣемъ сердца, исполненныя благодаренія! Слава милосердому Богу, исцѣляющему болѣзнь дѣтей вашихъ и утѣшающему домочадцевъ вашихъ надеждою урожая. Повторимъ пѣснь отроковъ въ печи вавилонской: согрѣшихомъ, беззаконно-вахомъ... И вся, елика сотворилъ еси намъ, и вся, елика навелъ еси на ны, истиннымъ судомъ сотворилъ еси... душою сокрушенною, и духомъ смиреннымъ да пріяты будемъ (Даніил. гл. III). Вотъ истинное духовное чувство! Праведники, подвергшись искушенію, не видятъ своей праведности, зрѣніе ума ихъ устремлено къ совершенствамъ Божиимъ, озаренные симъ свѣтомъ, они видятъ нечистоту правды своей,—и сердце исполняется чувствованій глубокаго смиренія, умъ начинаетъ произносить исповѣданіе и хвалы правосудія Божественнаго. Вотъ оиміамъ, благопріятный небу; вотъ кадило, котораго дымъ разливается въ горѣмъ жертвенникѣ Царя царей.

Объ ессеянахъ свѣдѣнія Іосифа Флавія и о еерапевтахъ Филона—не удовлетворительны; оба сіи писатели, будучи іудеи, не передали намъ ничего о томъ, съ какимъ чувствомъ они встрѣтили вѣру христіанскую. То видно, что секта ессеевъ въ Палестинѣ и еерапевтовъ въ окрестностяхъ Александріи сохранили строго обычай іудейства и не принимали христіанства. Вотъ что говорить о первыхъ преподобный Нилъ Синайскій, монашескій писатель IV вѣка: любомудрствовать покушались многіе еллины, и изъ іудеевъ не мало... Отъ іудеевъ избравшіе сіе жительство суть сыны Ионадава... всегда обитаютъ въ кущахъ, воздерживаются отъ вина и отъ всего влекущаго къ сластолюбію, пищу имѣютъ простую, удовлетворяютъ потребностямъ тѣла съ умѣренностію, очень прилежатъ образованію нравовъ и пребываютъ наиболѣе въ созерцаніи. Отсюда и называются *ессеи*: ибо симъ названіемъ обозначается родъ ихъ жительства. Но какая польза имъ отъ по-

двиговъ и отъ пребыванія въ трудахъ, когда они убили Подвигоположника Христа. Погибаетъ мзда трудовъ ихъ: ибо она отверглась Раздаятеля мзды и Источника истинной жизни. Итакъ, они погрѣшили въ цѣли любомудрія: любомудріе есть благоустройство нравовъ соединенное съ истиннымъ познаніемъ о Богѣ, въ чемъ погрѣшили и іудеи и еллины, отринувшіе Премудрость, пришедшую съ небесъ, и покусившіеся любомудрствовать внѣ Христа. Таково мнѣніе пр. Нила, ученика Іоанна Златоустаго; таково мнѣніе и другихъ древнихъ учителей церковныхъ о ессеевѣхъ. Ихъ подвигъ былъ болѣе наружный, лучшіе наблюдатели древностей церковныхъ находятъ, что они вдалились болѣе прочихъ іудеевъ въ мелочную утонченность обрядовъ, отчего, оцѣждая комаровъ, забыли позаботиться о верблюдахъ. По этой причинѣ секта ихъ по духу близка была къ фарисейской. Не осужденъ ли евангелиемъ ихъ постъ, ихъ милостыня, ихъ молитва, чуждые смиренія, вмѣстѣ съ фарисейскими?—Полезно для христіанскихъ монаховъ оглядываться на ессеевъ и въ нихъ видѣть, что тѣлесный подвигъ, безъ любви и сердца сокрушеннаго, есть кимваль, звяцающій тщеславіемъ, и мѣдъ, звѣнящая отъ пустоты своей.

Обращаюсь къ началу дражайшаго письма вашего, дышащаго добротою. 1-го февраля 1840 г., когда я былъ потребованъ для выслушанія приговора, который въ чемъ состоялъ и за что—мнѣ было неизвѣстно, я чувствовалъ особенное спокойствіе духа: въ напутствіе услышала въ церкви апостоль, тому дню принадлежавшій по церковному кругу сего года (1-го посланія Петрова, главы IV-й, начинался съ 12 стиха и оканчивался первыми стихами слѣдующей главы). Возлюбленные! огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго... Время начаться суду съ дома Божія... Итакъ, страждущіе по волѣ Божіей Ему, какъ вѣрному Создателю, да предають души своя, дѣлая добро. Можетъ ли быть что утѣшительнѣе и назидательнѣе? Особливо слова: время начаться суду съ дома Божія,—погружаютъ умъ мой въ глубокое размышленіе. Они сообщаютъ намъ возвышенную духовную мысль, что дѣланіе и подвигъ христіанина, какъ бы сами по себѣ, по суду человѣческому, ни были достаточны, по суду Божію далеки отъ совершенства и требуютъ очищенія и дополненія отъ искушеній. Тогда почитается зданіе храма Божія оконченнымъ, когда засверкаетъ на вершинѣ его крестъ Христовъ.

Добраго здоровья вамъ и милымъ дѣтямъ вашимъ. Господь да сохранитъ васъ, да укрѣпитъ васъ для пользы человѣчества и для пользы гражданской.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и сердечною преданностію, имѣю честь быть...

Сергіева пустынь.

Юля 16-го дня, 1840 года.

И прекрасный переводъ житія Іоанна Милостиваго читаю съ наслажденіемъ, и гляжу любовно на знакомую руку, которою написанъ конвертъ, ищу коротенькой записочки, хочу знать здоровъ ли, благополученъ ли кормитель нищихъ въ столицѣ христіанской, — ищу напрасно, напрасно любопытствую съ такою заботливостію. Впредь кладите въ такіе конверты маленькій листочекъ съ сямъ двусловіемъ: *я здоровъ*. Полезно употребляемое вами время оставляетъ вамъ мало времени, а я не нуждаюсь въ длинныхъ письмахъ отъ васъ: имѣю продолжительное письмо въ сердцѣ; оно начинается съ начала нашего знакомства, конецъ его... О! я хочу, чтобъ оно было безъ конца, чтобъ продолженіе его перешло за предѣлы гроба и сблалось вѣчнымъ во Христѣ. Какое наслажденіе — любовь. Пишу къ вамъ, и на языкѣ моемъ чувствую какую-то особенную сладость. Это — сладость древа райскаго.

Присылаемая вами книжка мнѣ говорятъ: внеси и ты маленькую лепту въ ту сокровищницу, въ которую богатые вносятъ тысячи сребрениковъ. Не буду голосу этому послушенъ.

Отъ души вашъ

Архимандритъ Игнатій.

12-го ноября 1840 г.

Христось Воскресе!

Дражайшій и почтеннѣйшій

Стефанъ Дмитріевичъ!

Много виновать я предъ вами, не отвѣчая столь долго на письмо ваше, исполненное дружбы и искренности. Оно не сходило со стола моего, часто перечитывалъ его, каждый разъ съ новымъ утѣшеніемъ. Справедливо говоритъ святой Исаакъ Сирскій: нѣтъ въ мірѣ предмета драгоцѣннѣе любви ближняго, которою входимъ въ любовь Божію. Или обременилъ я себя излишними письменными занятіями, или подѣйствовали на слабое мое тѣлосложеніе искушенія, или хроническая моя болѣзнь — солитеръ, или все вмѣстѣ привело меня въ срединѣ зимы въ такое болѣзненное положеніе, что я оставилъ пищу, почувствовалъ сильнѣйшую боль въ груди, въ продолженіе великаго поста такъ былъ слабъ, что едва подписывалъ имя мое на налобъ; съ страстной не-

дѣли поправляюсь, и, кажется, избавился отъ солитера, по особенному расположенію одной почтенной дамы—княгини Юсуповой, доставившей мнѣ доктора, занимающагося единственно или преимущественно леченіемъ этой болѣзни средствомъ растительнымъ и потому совершенно безвреднымъ. Провожу время по обыкновенію: занимаюсь монашескими книгами святыхъ отцовъ, изъ коихъ Богъ помогъ окончить переводъ съ латинскаго книги святаго Исаіи отшельника. Изъ перваго изданія оной двѣсти экземпляровъ назначаю для монашествующихъ Сергіевой пустыни, а тысячу въ распоряженіе питателя московскихъ нищихъ. Книга не имѣетъ наружнаго порядка въ изложеніи, который требуется отъ писателя ученаго въ школахъ міра сего, но имѣетъ глубокія мысли, имѣетъ систему для сердца и ума, которую можно ожидать отъ воспитанника пустыни безмолвной. Надѣюсь, что вы прочтете оную съ душевною пользою и удовольствіемъ, ибо вамъ знакомъ вкусъ глубокихъ чувствъ, рождаемыхъ смиреннымъ разсматриваніемъ внутренняго человѣка.—Такимъ образомъ я буду участникомъ вашихъ занятій и вы моихъ! Эта мысль меня утѣшаетъ.

Вы познакомились съ о. Арсеніемъ Троспольскимъ! Точно, онъ добрый человѣкъ: я находилъ понятіе его о монашествѣ болѣе ученымъ, чѣмъ опытнымъ, болѣе удовлетворительнымъ для ума, чѣмъ для сердца; не знаю, въ какомъ онъ положеніи теперь. Дай Богъ всѣмъ спастись отъ змievъ,—страстей нашихъ, коимъ помогаютъ другіе змѣи—демоны. Еслибъ вы взглянули въ настоящее время на братство Сергіевой пустыни, то очень бы утѣшились: ибо ваша рука была при учрежденіи сего духовнаго сада и многія лозы пересажены съ вашею помощію. Всѣ почти прежніе жители монастыря выбыли; теперь первыя лица—это тѣ послушники, которые вступили въ обитель вмѣстѣ или вслѣдъ за мною. Они уже іеромонахи, и главный изъ нихъ—наѣстникъ Аполлосъ, кажется, не ложно можетъ быть названъ образцовымъ инокомъ нашего времени.

Не знаю, не сберусь ли въ концѣ лѣта побывать въ Москвѣ. И очень нужно бы для здоровья,—кажется, нужно бы и для души. Какое радостное свиданіе меня тамъ ожидаетъ и туда пригласиваетъ! До сихъ поръ встрѣчаю препятствіе въ мысли, представляющей, что опасно оставить монастырь при настоящихъ обстоятельствахъ духовенства невскаго, можно отсутствіемъ своимъ подвергнуть братство сергіевское расхищенію. Не пріѣдете ли вы въ сѣверную столицу? Не призываетъ ли васъ въ оную наступающая нужда помѣстить старшаго сына вашего въ пажескій

корпусъ, или гвардейскую школу?—Ему должно быть около 14-ти лѣтъ? Очень порадовался я, услышавъ, что государь опять обратилъ вниманіе свое на заслуги ваши. Земная почестъ, сама по себѣ ничтожная, но для человѣка, посвятившаго жизнь свою на службу царю и отечеству, отрадна царская милость.

Остается мнѣ изобразить постоянное, и усердное, и молитвенное желаніе моего сердца всѣхъ благъ вамъ и всему вашему семейству. Да благословитъ Богъ питать и растить въ душѣ вашей чувство любви христіанской къ грѣшному Игнатію!

Вашъ усерднѣйшій и преданнѣйшій слуга и богомолецъ,
Архимандритъ Игнатій.

Сергіева пустынь.

Апрѣля 11-го дня 1841 г.

Ваше превосходительство,
милостивѣйшій государь!

Почтеннѣйшее письмо ваше отъ 11-го іюня получилъ я къ особенному моему удовольствію, которое такъ мнѣ обычно при полученіи вашихъ писемъ. Отчетъ комитета ¹⁾ за 1840 годъ показываетъ чрезвычайный успѣхъ сего благодѣтельнаго учрежденія, управляемаго мудрою вашею распорядительностію. Въ концѣ мая мѣсяца скончалась въ Петербургѣ благодѣтельная особа княгиня Татіана Васильевна Юсупова ²⁾, которая дѣлала много пособій, часто большими очень суммами; за нѣсколько времени до кончины своей она познакомилась со мною коротко, усилила благотворительность свою и намѣревалась рѣшительно одной предаться, какъ по несповѣдимымъ судьбамъ Божиимъ внезапно потребована въ вѣчность. Въ числѣ неисполнившихся ея намѣреній находится и изда-

¹⁾ О просящихъ милостыни, въ Москвѣ.

²⁾ Г. Р. Державинъ въ честь Т. В. Юсуповой написалъ слѣдующее стихотвореніе въ 1807 году:

Къ матери, которая сама воспитываетъ дѣтей своихъ.

Иныхъ веселье убѣгаетъ,
Съ тобой оно живетъ всегда;
Гдѣ разумъ съ красотой блистаетъ,
Тамъ не скучаютъ никогда.
Являя благородны чувства,
Не судишь ты страстей людскихъ;
Обнявъ науки и искусства,
Воспитываешь чадъ своихъ.
Въ такомъ уединеннѣ скромномъ
Ты такъ добротою блисташъ,
Какъ ангель въ храмъ благовонномъ,
Всѣмъ обожать себя велишь.

ніе книги св. Исаиі Отшельника, которую она хотѣла напечатать на свое иждивеніе, и напечатанные экземпляры, за исключеніемъ небольшого количества, нужнаго для раздачи безденежной считаемымъ и благочестивымъ людямъ, предоставить въ ваше распоряженіе. По разрушеніи сего плана смертію кн. Юсуповой, можетъ ли трудъ мой быть полезнымъ для братій, нуждающихся въ хлѣбѣ вещественномъ? Я самъ не имѣю на что напечатать съ единственною цѣлію пожертвованія; равно не имѣю въ виду лица, которое бы издержки напечатанія взяло на себя. Но если вы, почтеннѣйшій Стефанъ Дмитріевичъ, найдете выгоднымъ напечатать на иждивеніе комитета, то съ любовію жертвую трудомъ моимъ. Книга, кромѣ предисловія, оглавленія и проч., сама по себѣ имѣетъ 332 страницы, кои сравнивъ съ страницами вашего отчета, нахожу соотношеніе между ими, какъ 4 къ 3-мъ, т. е. книга Исаиі можетъ имѣть таковыхъ печатныхъ страницъ 250. Для обрачика книги, которая прямо монашеская, но и для всякаго внимательнаго христіанина крайне полезна, прилагаю при семъ нѣкоторыя отрывки. Прошу извѣститъ меня о вашемъ распоряженіи, по коему могу выслать къ вамъ рукопись, которую остается доправить и дополнить алфавитомъ. Вся моя корысть вещественная будетъ ограничиваться покорнѣйшею просьбою о доставленіи мнѣ ста экземпляровъ для безденежной раздачи за цѣну, чего будетъ стоить комитету; вторая же просьба,—чтобъ имя мое нигдѣ не было обнаружено. Мой казначей отправился въ Кіевъ, онъ часто видалъ васъ, и я ему поручилъ быть у васъ и доставить мнѣ подробное свѣдѣніе о васъ. Какъ васъ домашнія обстоятельства требуютъ въ Рязань ¹⁾, такъ меня, наоборотъ, сергіевскія обстоятельства не пускаютъ въ Москву. Столь шумнаго лѣта у насъ не бывало. Петергофская дорога усѣяна экипажами.—Будьте здоровы!

На всегда вашъ

Архимандритъ Игнатій.

24-го іюня 1841 года.

Св. Исаиі изъ Слова VIII. — Если ты далъ что взаимно ближнему и онаго не просишь обратно, то подражаешь свойству Иисуса; если же просишь, то подражаешь свойству Адама; если требуешь лихвы, то это ниже и Адамова свойства. Если кто укорить тебя за что, тобою сдѣланное, или не сдѣланное, а ты промолчишь, то уподобляешься Иисусу; если будешь отвѣчать, возражая: что я сдѣлалъ? то ты уже не подобенъ Ему; если же воздашь равнымъ за равное,—то совершенно не подобенъ. Если приносишь жертву твою

¹⁾ У С. Д. Нечаева въ данковскомъ уѣздѣ рязанской губерніи было имѣніе—Сторожевая Слобода или Сторожово.

со смиреніемъ, какъ недостойный, то оная будетъ благопріятна Богу. Если же вознесешься сердцемъ твоимъ и вспомнишь о другихъ спящихъ, или нерадящихъ, то суетенъ трудъ твой. Смиреніе не имѣетъ даже языка сказать о комъ, что онъ нерадивъ, или презорливъ;— не имѣетъ глазъ для зрѣнія чужихъ погрѣшностей;— не имѣетъ ушей для слышанія того, что не можетъ принести пользы душѣ; наконецъ, оно не имѣетъ никакихъ заботъ, кромѣ заботъ о грѣхахъ своихъ. Оному свойственно со всѣми сохранять миръ, не по причинѣ дружбы, но ради заповѣди Божіей.

Слов. XVII.—Похирающей совѣсть, изгоняетъ добродѣтели изъ сердца своего. Боящийся Бога прилеженъ, не боящийся Его предается нерадивости. Хранящій уста свои и молчащій благоразумно, возвышаетъ помысленія къ Богу. Отъ многословія происходятъ лѣность и ярость. Подчиняющій ближнему волю свою обнаруживаетъ тщливость души къ снисканію добродѣтелей; напротивъ, пристрастный къ волѣ своей, обнаруживаетъ свое невѣжество. Страхъ Божій и тайное поученіе хранятъ душу отъ страстей. Мірскіе разговоры повергаютъ сердце въ мракъ и отвращаютъ оное отъ добродѣтелей.—Возмущается умъ и сердце любовью къ земнымъ вещамъ, презрѣніемъ оныхъ приносится безмолвіе и спокойствіе... Ржа свѣдаетъ желѣзо; подобнымъ образомъ честолюбіемъ точится сердце человѣческое. Плющъ, обвинившись около виноградной лозы, портитъ плодъ ея; подобнымъ образомъ тщеславіе испровергаетъ труды человѣка. Смиреніе предводительствуетъ добродѣтелями, а чревообъяденіе страстями. Конечъ добродѣтелей—любовь, а страстей—почитаніе себя самого праведнымъ.

Заключеніе XVII Слова.—Братія! Будемъ стараться, доколѣ находимся въ тѣлѣ, наполнить сосуды наши елеемъ, по причинѣ коего свѣтильникъ бы нашъ засіялъ, когда будемъ входить въ царствіе. Свѣтлый и блистающій свѣтильникъ есть душа святая. Ибо душа, блистающая добрыми дѣлами, войдетъ въ царствіе, душа же, оскверненная злобою, низойдетъ во тму. Итакъ бодрствуйте, братія, и прилежите добрымъ дѣламъ: ибо время приближается. Блаженъ, ведущій себя строго. Уже колосья поспѣли и настонитъ жатва. Блаженъ, сохранившій плодъ свой, — и придутъ ангелы и вложатъ оный въ житницу вѣчную. Горе унывающимъ, ибо огонь ихъ пребываетъ. Наслѣдія міра сего суть золото, и сребро, и дома, и одежды: всѣ они подаютъ причину ко грѣху, и при всемъ томъ, отходя туда, мы должны ихъ оставить. Наслѣдіе же Божіе безмѣрно, онаго *око не видѣтъ, ухо не слышитъ*, оное *на сердце человеческое не въздытъ* (1 Кор. II, 9). Оно даруется тѣмъ, кои въ краткое сіе время пе-

винуются заповѣдая Господа. Оно даруется за хлѣбъ, за воду, за одежды, кон подадимъ нищимъ, за челоуѣколюбіе, за чистоту тѣла, за непорочность сердца и за прочія добродѣтели...

Ваше превосходительство,
милостивѣйшій государь
Стефанъ Дмитріевичъ!

Долго не отвѣчалъ я на почтеннѣйшее, дружеское письмо ваше. Такъ прихворнулъ въ это время, что опасался воспаленія въ груди. Произведено кровопусканіе, приставлены пиявки, и приговариваютъ къ повторенію кровопусканія. Сохраняю большую діету отъ письма и пишу только въ крайнихъ случаяхъ: этому причиною большая слабость въ груди съ болью и потерю голоса. Такъ переживаемся мы въ здѣшней жизни, и, дай Боже, чтобъ не бесполезно!

Служеніе ваше по духовному вѣдомству дало вамъ возможность употребить слово *мытарство* для названія тѣхъ разсматриваній продолжительныхъ и многообразныхъ, кои подвѣгаются у насъ книги существенно полезныя, и отъ коихъ такъ свободны книги умѣренной пользы, въ особенности же пустыя и даже вредныя. Я улыбнулся при прочтеніи этого слова и теперь часто улыбаюсь, видя оживотвореніе его дѣломъ. Книга святаго Исаи была у преосвященнаго кіевскаго ¹⁾ въ продолженіе 3-хъ мѣсяцевъ; онъ прочиталъ ее и одобрилъ къ напечатанію, ублаживъ духовнаго писателя величайшими и должными похвалами. Теперь, конечно, пойдетъ на разсмотрѣніе къ московскому ²⁾. Наслѣдники Юсуповой не наслѣдовали ея щедрости, или, можетъ быть, и наслѣдовали, но безъ того расположенія ко мнѣ, которое имѣла покойная. Здѣсь подобный пожертвователъ не легко открыватся: большая часть пожертвователей ищутъ публикацій въ газетахъ и благоволеній, а не тайной сердечной награды. Если трудъ мой можетъ послужить съ какою нибудь пользою для нуждающихся братьевъ, то, по совершенномъ одобреніи рукописи къ напечатанію, не премину представитъ оную къ вамъ. Будьте раздавателемъ хлѣба и вещественнаго, и духовнаго! Тѣхъ и другихъ нищихъ много.

Опасенія ваши по отношенію къ климату и нравственности очень справедливы: никакой глазъ не можетъ замѣнить родитель-

¹⁾ Митрополита Филарета (Амфітеатрова).

²⁾ Митрополиту Филарету (Дроздову).

скаго, не говоря уже о сердцѣ. Да и изъ учебныхъ заведеній, въ настоящее время, едва ли не первое мѣсто должны занимать учрежденія, приготовляющія къ статской службѣ, а изъ нихъ вообще університеты. Мы вѣтренны: количество знаній, которое возрастаетъ съ возрастомъ міра, мы имѣемъ большее, нежели наши предки; это самое многознаніе дѣлаетъ насъ поверхностными, и мы уступаемъ предкамъ въ качествѣ знаній, въ сущности знанія. А вѣтренность—отъ стремленія къ пустымъ веселостямъ.

Вы промолвились о уединеніи? Когда эта мысль приходитъ, надо ее спрашивать: не рано ли? Хотя и опаздывать не должно. Точно: міръ не веселитъ людей размышляющихъ, но онъ, питая насъ горестями, отталкиваетъ нашу любовь къ нему и направляетъ ее къ Богу. Міръ ранитъ наше сердце и тѣмъ исцѣляетъ его болѣзни—земныя пристрастія. Безвременное уединеніе уничтожаетъ сію работу сердца, которое, нашедши покой, часто снова примиряется съ міромъ и дѣлается холоднѣе къ Богу. Это не мои мысли, но я заимствовалъ ихъ изъ аскетическихъ отцевъ церкви, и когда приходится видѣть опыты, то они постоянно утверждаютъ меня въ семь образѣ мыслей.

Съ большимъ бы удовольствіемъ прислалъ вамъ рецептъ того дѣкарства, коимъ я избавился отъ солитера, но тотъ пріѣзжій докторъ, который пользуется отъ сей болѣзни, предлагаетъ нашему правительству купить рецептъ его за 5,000 рублей ежегодной пожизненной пенсіи, а до тѣхъ поръ не открываетъ своего способа, въ который входятъ одни растительныя вещества. Кого онъ здѣсь ни пользовалъ, всѣхъ удачно.

Наконецъ я склоняюсь на портретъ съ грѣшнаго лица моего и почитаю обязанностію своею прислать къ вамъ экземпляръ, дабы вы видѣли и образъ того, кому вы дѣлали много добра. Мои мысли и чувстваванія, которыя не прямо мои, но заимствованы отъ истиннаго духа Христовой Церкви, всегда находили пріютъ въ вашемъ сердцѣ. Отъ этого взаимная любовь! Любовь—тотъ покой, тотъ дождь, въ который Богъ вселяетъ единомысленныхъ о Христѣ, какъ воспѣваетъ псалмопѣвецъ.

Благодарю васъ за присланныя брошюры ¹⁾. Очень пріятно видѣть, что есть люди, разсуждающіе основательно. Между прочимъ приемотриваюсь и къ печати, какая бы поприличію была къ книгѣ пр. Исаіи; кажется, покрупнѣе лучше; а то для старыхъ и слабыхъ глазъ модная мелочь чрезвычайно затруднительна. Мнѣ понравилась печать: *Пишіе въ Москвѣ*, по четкости.

¹⁾ Издаваемыя въ пользу комитета о просящихъ милостыни.

Будьте здоровы! Поздравляю васъ съ новымъ годомъ, призываю на васъ и на все почтеннѣйшее семейство ваше благословеніе Божіе и молитвы пр. Сергія, и съ чувствомъ сердечной преданности имѣю честь быть навсегда вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Архимандритъ Игнатій.

1842 года, генваря 17-го дня.

Казначей мой, бывъ въ Москвѣ, справлялся о васъ, но ему сказали, какъ это и въ самомъ дѣлѣ было, что вы находитесь въ отсутствіи. Самому мнѣ хочется дохнуть благораствореннымъ воздухомъ внутренней Россіи, но до сихъ поръ обстоятельства не подають руки.

Милостивѣйшій государь
 Стефанъ Дмитріевичъ!

Азъ, говоритъ Господь въ откровеніи Іоанна Богослова, ихъ же люблю, наказую. Эти слова совершаются надъ вами. И ваше сердце давно приготовлялось непостижимымъ, таинственнымъ ощущеніемъ къ ношенію креста! И вы давно приучаетесь на самомъ дѣлѣ къ ношенію креста! Ваша счастливая жизнь, въ которой я васъ засталъ, была подобна благотворному лѣту, доставляющему нивамъ обильное плодородіе: въ немъ дни ясны смѣнялись днями пасмурными. Прочитавъ письмо ваше, котораго каждое слово отзывалось въ моемъ сердцѣ, я перенесся воспоминаніемъ къ тому опыту стиховъ вашихъ, который вы, когда то, во время одной изъ пріятнѣйшихъ нашихъ бесѣдъ, мнѣ читали. Предметомъ вашихъ восторговъ была Голгова, крестъ, терновый вѣнецъ, гвозди. И точно! Съ того времени какъ Богочеловѣкъ подчинилъ Себя страданіямъ и ими исцѣлилъ наши страданія, подножіе Голговы сдѣлалось для ученика Іисусава мѣстомъ думъ плачевныхъ и вмѣстѣ утѣшительныхъ, сладостныхъ. Сидящій у сего подножія смотритъ съ равнодушнымъ и спокойнымъ любознательствомъ на непостоянныхъ счастливицевъ сего непостояннаго міра. Онъ имъ не завидуетъ, онъ предпочитаетъ познаніе креста Христова, отверзающаго врата въ блаженную вѣчность, тому кратковременному упоенію, въ которомъ держитъ земное счастье свою жертву, чтобъ предать оную вѣчному бѣдствію. Горе вамъ, насыщенный нынѣ, горе вамъ, смѣющимся нынѣ! — Это неложныя слова Сына Божія. Въ то время, какъ я имѣлъ возможность часто наслаждаться лицезрѣніемъ вашимъ, взоры мои отыскивали особенную черту въ вашемъ характерѣ; она ярко выказывалась для меня при всей свѣтлости.

вашего ума: это простота сердца, выражающаяся въ довѣренности къ людямъ, къ добротѣ ихъ сердець, къ прямотѣ совѣсти и правилъ. Таковая простота есть одинъ изъ признаковъ любви. *Любы не мыслитъ зла, а потому всему вѣру емлетъ.* Любовь есть печать души, способной для неба. Итакъ, въ вашей душѣ та причина, по которой человекъ бываетъ крестоносцемъ; *Отецъ небесный всякую розгу, творящую плодъ, отребляетъ ю, да множайший плодъ принесетъ.* Вотъ и глаза ваши ослабли. Понимаю, какъ отяготительна болѣзнь сія для человека, котораго главнѣйшимъ занятіемъ суть чтеніе и писмо. И почеркъ вашъ сказываетъ, что глаза ваши не прежніе. Я страдаю главною болѣзнію уже семь лѣтъ и длинные зимніе вечера провожу въ своей комнатѣ безъ свѣчекъ; пишу и читаю только при свѣтѣ дневномъ; впрочемъ, и сіе безъ боли глазъ только съ нынѣшней зимы, послѣ того, какъ я сталъ привязывать къ глазамъ на ночь рубленную, или лучше, мелко крошенную свеклу въ платкѣ батистовомъ, на полчаса или часъ, предварительно намочивъ голову ромомъ, предпочтительно бѣлымъ, и обтерши имъ лице. Всѣ прежнія лѣкарства, всѣ знаменитыя капли, и чужестранныя и здѣшнія, не принесли мнѣ никакой пользы; напротивъ, еще болѣе ослабили, притупили зрѣніе. Послѣднее средство, будучи вполне не опасно, очень мнѣ помогаетъ; должно наблюдать, чтобъ, какъ свекольный сокъ, такъ и ромъ не попадали въ глаза. Для васъ, на которомъ лежитъ столько обязанностей общественныхъ, при исполненіи которыхъ вы не любите не смотрѣть пристально, ослабленіе зрѣнія есть большая потеря, большее лишеніе. Инокъ долженъ меньше чувствовать тягость сего лишенія, потому что онъ можетъ, сидя въ своей келліи, чуждый всякой наружной дѣятельности, разгибать книгу души своей и читать въ сей книгѣ назидательнѣйшія истины.

Милыя ваши дѣти, прекрасныя ваши дѣти, которыя такъ утѣшительно лепетали молитву и славословіе Спасителю міра, совершающаго хвалу Свою изъ устъ младенцевъ и сеущихъ! Они достигли юношескаго возраста; они ощущаютъ, несутъ яремъ креста! Господь да укрѣпитъ ихъ, да помилуетъ ихъ! Да даруетъ ихъ родителю терпѣніе, подобное терпѣнію Іова, посылая искушенія, подобныя искушеніямъ сего праведнаго мужа. Вы уязвлены и въ имѣніе ваше, и въ семейство ваше, и въ тѣло ваше. Души его не коснись, заповѣдуетъ Господь діаволу, передавая на испытаніе вѣшняго человека. Не касается діаволъ души страждущаго человека, когда человекъ пребываетъ въ самоукореніи и въ благо-

дареніи, когда множествомъ славы стираетъ сущность. *Достойная по долгу наю воспріемлемъ*.— вотъ слова, приличествующія распятымъ одесную Господа. Таковыя будутъ помянуты въ царствіи Его.

Благодарю васъ за присланныя книжки. Обѣ такъ просты и ясны, что въ нихъ съ пріятностію усматривается желаніе угодить не только землѣ, но и небу. Слово о. Сергія очень мило: въ немъ соединяются прекрасныя чувствованія съ непринужденнымъ, пріятнымъ слогомъ. И слово его не возвратилось къ нему бесплоднымъ, посѣялось въ сердцахъ слушателей и принесло плодъ пріятный Богу,—состраданіе къ нищимъ, тотчасъ выразившееся въ дѣлахъ!

Будучи вамъ долженъ невымыслимымъ долгомъ, — долгомъ любви, я состою у васъ въ особенномъ долгу! А причиною тому— мои глаза. Книга Исаи ждетъ окончательной переправки, которую никакъ не могу предпринять раньше весеннихъ, ясныхъ дней. По тому, какъ нынѣ публика принимаетъ подобныя книги, я полагаю, что экземпляры Исаи не залежатся, особливо, когда они будутъ въ дѣятельномъ распоряженіи предсѣдателя комитета нищихъ. Нынѣ выходятъ вновь писема Задонскаго затворника уже въ трехъ томахъ: эта книжка многимъ чрезвычайно понравилась.

Что сказать вамъ о себѣ? Единобразно текутъ дни мои среди немощей душевныхъ и тѣлесныхъ. Сергіева пустынь расцвѣтаетъ годъ отъ году болѣе, а я годъ отъ году хилѣю, слабѣю, и по зимамъ почти не выхожу изъ своихъ комнатъ. Иногда мелькаетъ мысль о путешествіи въ Воронежъ или Кіевъ, о путешествіи столь пужномъ для моего здоровья, и опять подавляется безчисленными препятствіями, не позволяющими оставить монастырь на продолжительное время, особливо лѣтомъ. Но въ то время, когда занимаетъ меня мысль сія, бываю въ Москвѣ, вхожу въ домъ, стоящій близъ Дѣвичьяго поля, вижу хозяина, съ тою же улыбкою любви на устахъ, съ каковою всегда видѣлъ его въ Петербургѣ. И пріятливо смѣются мнѣ его голубые глаза, все лице его живописуется въ моемъ воображеніи съ сходствомъ точно идеальнымъ. Сердце гармонируетъ фантазіи нѣжнымъ восторгомъ и трепетаніемъ.

Простите, простите! Соединенный со мною узамъ искренней дружбы и удаленный протяженіемъ земного разстоянія, Стефанъ Дмитріевичъ! Когда-то судьбы приведутъ васъ увидѣть и какую увижу въ васъ пережвну, напечатлѣнную восьмью нерадостными годами. На мнѣ вы увидѣли бы сѣдины и сѣдины!

Призываю на васъ благословеніе Божіе и молитвы преподоб-

наго Сергія, поручаю себя вашей христіанской любви и съ чувствомъ сердечной преданности и почтенія, имѣю быть навсегда вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Архимандритъ Игнатій.

Сергіева пустынь.

Декабря 13-го дня 1843 года.

Долго страствовало письмо ваше, почтеннѣйшій и добрѣйшій Стефанъ Дмитриевичъ, доколѣ не пришло ко мнѣ. Оно пустилось въ путь 20-го августа изъ Сторожева (конечно, это имя вашего помѣстья), а прибыло въ Сергіеву пустынь 25-го сентября. Изъ штемпеля петербургскаго почтамта видно, что оно получено въ немъ 21-го сентября. А надпись на немъ: *по ненахожденію препровождается*, не смотря на то, что адресъ вашъ выполненъ со всею точностію и правильностію, показываетъ, что встрѣтились какія-либо недоразумѣнія, и письмо путешествовало куда либо въ другое мѣсто, прежде путешествія своего въ Стрѣльну.

Въ отвѣтъ на первую страницу вашу скажу: соответственно вашимъ добрымъ чувствамъ ко мнѣ, и скудное мое слово къ вамъ кажетъ вамъ благимъ и носящимъ помазаніе. Но каково бы оно ни было,—оно есть слово сердца. Признаюсь,—бывали въ жизни моей минуты, или во время тяжкихъ скорбей, или послѣ продолжительнаго безмолвія, минуты, въ которыя появлялось въ сердцѣ моемъ слово. Это слово было не мое. Оно утѣшало меня, вѣстивало, исполняло нетлѣнной жизни и радости, — потому отходило. Искалъ я его въ себѣ, старался, чтобъ этотъ голосъ мира и покоя во мнѣ раздался,—тщетно! Случалось записывать мысли, которыя такъ ярко свѣтили въ сіи блаженные минуты. — Читаю послѣ,—читаю не свое, читаю слова, изъ какой-то высшей сферы нисходившія и остающіяся наставленіемъ. Обыкновенная жизнь, и монастырская, сопряжена съ многими развлеченіемъ, не можетъ удерживать всегда при себѣ сихъ горнихъ поѣтителей. Открывая такъ себя предъ вами, почтеннѣйшій и дражайшій Стефанъ Дмитриевичъ, я самымъ дѣломъ доказываю вамъ, что недостойная душа моя, по благодати Божіей, ощущаетъ сближеніе съ душою вашею, не смотря на матеріальное пространство и на продолжительное время, насъ разлучающія: потому что это сближеніе совершается о Господѣ и ради Господа.

Вашего финляндца ¹⁾ присылайте сюта. Не смотря на то,

¹⁾ Валленитрема. О немъ ниже.

что нашъ монастырь биткомъ набитъ, надѣюсь пайти и для него уголокъ. Можетъ быть знаніе сельскаго хозяйства доставить ему пріятное и знакомое для него, а для монастыря полезное занятіе. Если же сверхъ моего чаянія, по какой либо причинѣ, онъ не будетъ соответствовать здѣшнему мѣсту, или оно ему, то надѣюсь помѣстить его въ одинъ изъ подвѣдомственныхъ мнѣ монастырей. Но желаю, чтобъ сіе второе предположеніе оказалось вполнѣ ненужнымъ.

Посѣтила меня, недѣли съ двѣ или три тому назадъ, послушница Бородинскаго монастыря ¹⁾, жившая нѣкогда у Елизаветы Михайловны Кологривовой: она довольно подробно сказывала мнѣ о васъ, о вашихъ милыхъ дѣтяхъ, что и ихъ посѣщаетъ персть Божій. Милыя дѣти! Богъ, рано посылая вамъ воздыханія, готовится васъ въ храмы Себѣ. Не завидуйте тѣмъ, которые пользуются полнымъ здоровьемъ, которымъ міръ улыбается и которыхъ онъ приглашаетъ въ свой омутъ. Уста распявшагося за насъ Господа возвѣстили горе смѣющимся нынѣ, а блаженство плачущимъ и воздыхающимъ.

Участвующій въ васъ сердцемъ вашъ преданнѣйшій Архимандритъ Игнатій.

1845 года, 27-го сентября.

Получилъ два письма ваши почти въ одинъ день, дражайшій и безцѣнный сердцу моему Стефанъ Дмитриевичъ: одно съ отчетомъ печатнымъ, другое съ отчетомъ живымъ—Валленштремомъ. Вы меньше сказываєте въ вашемъ печатномъ отчетѣ, нежели сколько говорить живой: въ первомъ виденъ вашъ умъ, ваша распорядительность; второй бесѣдуетъ больше, почти единственно, о вашемъ сердцѣ... Валленштремъ мнѣ понравился, понравился и братинъ; сколько видно и какъ онъ говоритъ—понавился и ему монастырь нашъ. По его хозяйственнымъ свѣдѣніямъ онъ можетъ быть полезнымъ обителю: слѣдовательно, вы сдѣлали намъ значительный подарокъ. Въ нравственномъ отношеніи мы не будемъ его отягощать излишними, утонченными требованіями, зная, что старое строеніе отъ значительной переломки можетъ только разрушиться.

Благодарю васъ за участіе въ постигшей меня скорби. Но это—путь мой: одна скорбь передаетъ меня другой, и когда нѣсколько продлится спокойствіе, то я чувствую сиротство. Увидѣвъ бездыханное тѣло, я зарыдалъ надъ нимъ безъ всякой мысли, по

¹⁾ Кякилія, въ міръ Марѳа Попова.

одному лишь горькому чувству сердца. Какая мысль, какое размышление может быть тогда, как дѣйствуетъ судьба, превышая мысли? Буди воля Божія, буди воля Божія! Въ сихъ словахъ я находилъ разрѣшеніе сего случая; сіи слова внесли въ душу мою спокойствіе — непремѣнное слѣдствіе преданности волѣ Божіей. Часто стоя предъ вратами вѣчности, частымъ ощущеніемъ ея и размышленіемъ о ней, не принужденными и не искусственными, но являющимися и дѣйствующими въ душѣ какъ бы самостоятельно и естественно, — я становлюсь болѣе и болѣе холоднымъ къ случающемуся со мною пріятному и непріятному предавая все временное волѣ Божіей и прося у Бога единственно благополучной вѣчности.

Приближаются великіе праздники Христовой Церкви и новый годъ. Поздравляю васъ и милыхъ дѣтей вашихъ; желаю вамъ и имъ всѣхъ истинныхъ благъ на землѣ и на небѣ. Во время пребыванія вашего въ Петербургѣ, когда я принять былъ подь благословенный кровь вашу, дѣти ваши были такъ малы, что, конечно, или совсѣмъ меня не помнятъ, или помнятъ очень мало; но я живо сохраняю ихъ въ памяти; въ ней нарисовались ихъ милые образы чертами, которыхъ время не могло изгладить. Чувство любви къ ихъ родителю естественно объемлетъ и чадъ его.

Будьте здоровы, дражайшій Стефанъ Дмитріевичъ! Миръ Божій, превышій разумѣнія человѣческаго, поглощающій въ себя всякое разумѣніе, даруемый евангелиемъ, даруемый Христомъ, изливающимъ обильно изъ язвъ Его въ сердца вѣрующихъ и терпящихъ здѣсь, на землѣ, скорби, *да водворятся въ васъ богато* и да исполняетъ васъ сладостнымъ, благодатнымъ утѣшеніемъ, — веселіемъ небожителей!

Отъ души и сердца вамъ преданнѣйшій Архимандритъ Игнатій.

Сергіева пустынь.

1-го декабря 1845 г.

Какой сладостный, духовный, высокій плодъ пожинаютъ погружающіеся умомъ и сердцемъ въ Слово Божіе, повѣряющіе по глаголамъ сей небесной премудрости опыты своего земного странствованія! Таковыя достигаютъ того, чего желалъ отъ вѣрующихъ во Христа Христовъ апостоль, когда онъ писалъ имъ: *Молю вы, братіе, да будете утверждены въ томъ же разумнѣи и въ той же мысли.* Событіе сихъ словъ я ощущалъ въ себѣ, почтеннѣйшій и дражайшій Стефанъ Дмитріевичъ, читая ваши строки, которыя изливало сердце, пронзенное многими язвами и

нашедшее отраду въ язвахъ Иисуса, прозрѣвшее яснѣе на будущность, видящее яснѣе Промыслъ Божій, истинное назначеніе человѣка, ничтожность и быстрое исчезаніе всего временнаго и суетнаго. Читая вашу строку, я какъ будто размышлялъ самъ съ собою; въ отвѣтъ я могъ бы послать къ вамъ письмо ваше, усвоивъ его себѣ и подписавъ подъ нимъ мое имя. Давно не видимся другъ съ другомъ, не бесѣдуемъ лицомъ къ лицу, пишемъ другъ къ другу не часто, а сближаемся болѣе и болѣе! Вотъ плодъ ученія Христова!

Письмо ваше сказало мнѣ, что вы часто прибѣгаете къ слову Божію и къ молитвѣ, просвѣщающимъ человѣка. По мыслямъ, рождающимся въ душѣ, можно узнавать, какія впечатлѣнія на нее дѣйствуютъ! Принимайте слова мои съ простотою сердца, потому что и я говорю отъ искренности сердца. Въ словахъ моихъ нѣтъ ничего лестнаго; льстящія льстятъ для того, чтобъ уловить, посмѣяться, повредить. Нѣтъ! Не имѣю этой цѣли! Говорю для истины и любви. Языкъ ихъ, конечно, вы можете отличить отъ языка, которымъ говоритъ живое человѣкоугодіе. Ваше размышленіе о простосердечіи и лукавствѣ, извлеченное изъ опытовъ жизни христіанской и внимательной, такъ мнѣ понравилось, что я благословилъ искреннимъ ученикамъ моимъ списать письмо ваше въ ихъ письменныя книги, въ которыя вносятся особенно примѣчательное современное съ цѣлію душевной пользы. Какое условіе христіанской простоты? Послѣдованіе закону Божію. Добродѣтельный и благонамѣренный не нуждается представляться таковымъ; напротивъ того, кто любитъ грѣхъ, чья воля въ грѣхѣ, тому нужна личина. Вѣра рождаетъ простоту. Вѣрующій идетъ путемъ жизни, надѣясь на Промыслителя своего, какъ говоритъ Писаніе: ходяй просто, ходи надѣясь. Невѣрующій не видитъ Промысла, думаетъ что судьба его зависитъ отъ ухищреній разума его, все благо полагаетъ въ земномъ; стремясь къ нему, лукавствуетъ словомъ и дѣломъ. Чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ Слово Божіе, чѣмъ болѣе будемъ возрастать возрастомъ духовнымъ, тѣмъ болѣе будемъ убѣждаться, что приблизиться къ Богу не возможно иначе, какъ простотою, въ которой и вѣра, и чистота совѣсти, и образъ мыслей, созданный заповѣдями Вышняго. Одни простосердечные способны преуспѣвать духовно, какъ говоритъ Писаніе: въ душу злохудожну не видеть Премудрость. Простосердечные подвергаются страданіямъ, но не безъ причинъ. Небесный Вертоградарь отребляетъ лозы Свои: Онъ видитъ способность ихъ къ плодоносію. Вѣтвь безплодная не привлекаетъ къ себѣ Его вниманія и заботы до тѣхъ поръ, какъ придетъ время ее отрѣзать и выкинуть изъ винограда;

тогда подбираютъ ее нищѣ земли для топлива своего. Подъ именемъ нищихъ разумѣю здѣсь лишенныхъ всякаго блага бѣсовъ, заботящихся, чтобъ ихъ вѣчная печь горѣла жарче.

Знаменательны приведенныя вами слова: *еще твориши, сотвори скоро!* Такой же обширный смыслъ имѣетъ и молчаніе Христова предъ судьями, судившими для того, чтобъ обвинить, чтобъ найти какой либо предлогъ, имѣющій видъ обвиненія праведнаго, для исполненія замысла, замышляемаго въ сердцѣ преступномъ и злобомъ. Посреди сего божественнаго молчанія возгремѣли въ наставленіе наше слова Спасителя къ Пилату, слова тихія по наружности, но страшныя какъ громъ и молнія по смыслу: *не имаша власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше!* Какое глубокое и обширное наставленіе для страждущихъ о Христѣ, научающее ихъ смотрѣть на своихъ Пилатовъ, какъ бы на бездушное оружіе Промысла, подающаго возлюбленному своему чашу Христову, залогъ блаженства вѣчнаго со Христомъ. Здѣсь уже совершается отдѣленіе пшеницы отъ плевеловъ и производится Божій судъ надъ ними. Послѣдователь Христовъ страдаетъ въ великодушномъ молчаніи, познавая крестомъ Христа; а Пилатъ съ холодностію и мимоходомъ вопрошаетъ о Истинѣ; не думаетъ и не желаетъ знать о ней, потому что не хочетъ даже выслушать, дожидаться ответа; между тѣмъ Истина Христова ему предстоитъ въ смиреніи и высокииъ молчаніемъ о себѣ сказывается. *Удивися разумъ твой отъ Мене*, молитвенно взывалъ къ Богу св. Давидъ; удивится Евангелію и его глубокому ученію, ученію божественному, христіанинъ, читающій его съ вѣрою и чистотою совѣсти, при озареніи свыше: живые жизнию, заимствованною отъ ветхаго Адама по закону чадородія, находятся въ состояніи паденія; это состояніе свое доказываютъ непрестаннымъ самообольщеніемъ, почитая землю, мѣсто своего изгнанія, мѣстомъ наслажденій безконечныхъ. Новый Адамъ, Христосъ—крестомъ спасаетъ падшихъ: умиротворяется жизнь паденія отъятіемъ наслажденій земныхъ, а изъ нѣдръ сей смерти возникаетъ жизнь во Христѣ, находящая наслажденіе въ лишеніяхъ. Отсюда преселяется человѣкъ мыслями, желаніями, надеждами на небо и ожидаетъ съ извѣщенной вѣрою обѣтованія свыше, обновленія Духомъ. Намъ должно странствовать со Христомъ, страдать съ Нимъ, претерпѣть распятіе, вкусить смерть, быть погребенными, воскреснуть и вознестись. Сего желаю и вамъ и себѣ; почему произношу вмѣстѣ съ вами сію исполненную духовнаго разума, утѣшительную молитву: Господи! совершай надъ нами волю Твою, и намъ да-

руй мыслить, чувствовать, дѣйствовать по Твоей волѣ. Сего еди-наго у Тебя просимъ, въ семь единомъ заключаемъ все наши желанія и моленія.

Изливая душу вашу, вы забыли сказать мнѣ о вашемъ тѣлѣ, о здоровьи вашего милого семейства. Господь, врачующій душу вашу, и сіе да приложитъ вамъ! Благодарю васъ за присланную повѣсть о заботахъ вашихъ, о служеніи меньшей братіи Христовой. Скоро ли исполню обѣтъ свой и отплачу вамъ чѣмъ либо подобнымъ! Здоровье мое слабѣе и слабѣе, а съ этимъ вмѣстѣ и здѣшній міръ начинаетъ казаться чужимъ. Не мудрено, когда предъ глазами переселеніе!

Вашъ преданнѣйшій Игнатій.

19-го декабря 1845 г.

Многими скорбями подобаетъ намъ внити въ царствіе небесное. Сіе слово Божіе совершается надъ вами, достопочтеннѣйшій и дражайшій душѣ моей Стефанъ Дмитріевичъ. Извѣстилъ меня Иванъ Іоакимовичъ Мальцовъ о новомъ видѣ болѣзни, болѣзни тяжкой, въ васъ открывшейся. Да даруетъ вамъ Богъ перенести страданія съ сохраненіемъ силъ душевныхъ и тѣлесныхъ и получить облегченіе. По тернистому пути ведетъ васъ рука Промысла! Но такова судьба возлюбленныхъ Богомъ: едва нарекается Павелъ избраннымъ сосудомъ, какъ уже вмѣстѣ съ симъ и предназначается ему множество страданій. Крестъ—это знамя стада Христова, это знаменіе овцы Христовой. Да исполнетъ Господь въ минуты тяжкой скорби вашей благую мысль благодаренія Богу, славословія и благословенія десницы Его. Отъ благодаренія и славословія рождается живая вѣра; отъ живой вѣры—тихое, но могущественное терпѣніе о Христвѣ. А гдѣ ощутится Христовь, тамъ и утѣшеніе! Это утѣшеніе не отъ міра сего, который иначе не можетъ утѣшать въ скорби, какъ отъятіемъ скорби. Христовь дѣйствуетъ иначе: Онъ не снимаетъ тернового вѣнка съ возлюбленнаго Своего, потому что такъ вѣнчаются въ цари небеснаго царства, но посылаетъ въ душу благодатную сладость, залогъ предвкушенія вѣчнаго блаженства,—и предъ лицемъ сей сладости исчезаютъ временныя скорби — по крайней мѣрѣ много притупляется остріе ихъ.

Вручая васъ Господу, остаюсь навсегда вамъ преданнѣйшій Архимандритъ Игнатій.

1846 года, генваря 19-го дня.

Наконецъ имѣю свидѣнія о васъ, дражайшій душѣ моей Сте-

фанъ Дмитріевичъ, отъ челоѵѵка, лично видѵнаго васъ, отъ челоѵѵка, облеченнаго въ иноческій образъ; это свидѵніе тѵмъ особенно для меня драгоцѵнно, что взоры внимательныхъ иноковъ глубже проникають въ душу, посѵщаемую посѵщеніемъ Господнимъ. Онъ понялъ, что Господь, посѵщая васъ скорбями, вмѵстѵ даруетъ и пособіе къ перенесенію ихъ, какъ говоритъ преподобный Исаакъ Сирскій: „Отець нашъ щедрый, когда возблаговолитъ даровать истиннымъ сынамъ Своимъ исшествіе изъ искушеній ихъ, то не отъемлетъ отъ нихъ искушеній ихъ, но подастъ имъ терпѵніе въ искушеніяхъ ихъ, и они пріемлють всѵ блага къ совершенству душъ своихъ рукою терпѵнія“. Отверзаются предъ умою двери таинственнаго созерцанія христіанскаго: онъ зрѵтъ распятаго за грѵхи міра Христа, призывающаго къ Себѵ овецъ Своихъ и говорящаго: *иже не возметъ креста своего и въ слѵдъ Мене грядетъ, нѵсть Мене достоинъ*. Онъ зрѵтъ членовъ торжествующей церкви и слышитъ о нихъ отъ сказателя небесныхъ таинъ: *сїи суть иже прїидоша отъ скорби великія и испраша ризы своя въ крови Агнца. Сего ради суть предъ престоломъ Божиимъ и служатъ Ему день и ноць въ церкви Его и сподяи на престолъ вселитя въ нихъ. Не взалчутъ кому, ниже вжаждутъ, не имать же пасти на нихъ солнце, ниже всякъ зной. Яко Агнецъ, иже посредъ престола, упасетъ я и наставилъ ихъ на животныя источники водъ, и отъемлетъ Богъ всяку слезу отъ очію ихъ* (Ап. IX, 14—17). Сей же тайнозритель возвѵщаетъ, ктѵ изъ членовъ воинствующей церкви поступитъ въ члены торжествующей, которымъ не дано еще полнаго блаженства, которымъ *речено бысть да почіютъ еще мало время, дондеже скончуются и клеветы ихъ и братія ихъ, имущїи избїени быти, якоже и они* (Ап. гл. VI). Итакъ, страданія суть земное достояніе и избранныхъ, и приготавлиаемыхъ быть избранными. Страданія суть чаша Христова. *Чашу спасенія прїиму и имя Господне призову: яко по множеству бользней моихъ утѵшенїя Твоя возвеселиша сердце Мое. Вкусите и видите, яко благъ Господь* и въ то самое время, когда посылаетъ намъ скорби, которыми содѵбываетъ насъ причащенїемъ чаши Христовой отъ нынѵ и до вѵка.

Случается и здѵсь видѵть скорбящихъ — и только ищущіе утѵшенїя въ вѵрѵ обрѵтають его. Недавно случилось видѵть въ скорби одного умнаго и ученаго мужа, много занимавшагося философією, избрѵтенною падшимъ и омраченнымъ отъ паденїя умою челоѵѵческимъ. Какимъ же оказался философъ

предъ явдемъ скорби? Слабымъ, изнемогающимъ, невидящимъ Промысла Божія, невѣдающимъ креста Христова, ищущимъ на землѣ правды человѣческой и не могущимъ найти правды Христовой въ смиренія и терпѣніи. Поучительное зрѣлище, на которое намъ дозволено смотрѣть не съ тѣмъ, чтобъ осуждать ближняго, но чтобъ видѣть нашу мертвость, когда бываемъ безъ Христа.

И при самой болѣзни, при которой обыкновенно меньше помнится вещественное, вы позаботились прислать мнѣ прекраснаго чаю, чтобъ вспоминалъ я васъ не только при духовныхъ упражненіяхъ, но и за чашкою чая! Благодарю васъ: всякій знакъ любви вашей приноситъ душѣ моей наслажденіе.

И я продолжаю прихварывать: мои болѣзни сопряжены не столько съ тяжкими болями, сколько съ изнеможеніемъ и лихорадкою; въ теченіе нынѣшней зимы почти не выхожу изъ своихъ комнатъ, а съ половины генваря доселѣ — рѣшительно не выхожу. Буди воля Божія! Скудельные сосуды могутъ ли рассуждать, что для нихъ нужно, и полезно?

Милосердый Господь, попустившій вамъ тяжелое испытаніе и дарующій вамъ прохладу на источникахъ вѣры святой и смиренномудрой, да даруетъ вамъ и скорое исцеленіе изъ скорби, да имуще всякое довольство здравія, преизобилуете во всякое благое дѣло о Господѣ.

Съ неизмѣняющимися чувствами сердечной, искреннѣйшей преданности остаюсь на всегда вашъ покорнѣйшій слуга и недостойный богомалецъ Архимандритъ Игнатій.

Сергіева пустынь.

Марта 19-го дня 1846 года.

О Господѣ дражайшій сердцу моему

Стефанъ Дмитріевичъ!

Возблагодаривъ Бога, долженъ я сказать вамъ прямо и просто: къ вамъ особенная милость Божія; Богъ избираетъ васъ и приближаетъ къ Себѣ. Ощущеніе странничества не есть фантазія, не есть слѣдствіе размышленій, не есть умствованіе, это невольное чувство сердца, движущееся само по себѣ, независимо отъ нашего произволенія. Это голосъ благодати, сообщенной намъ святымъ крещеніемъ. Когда тѣло утончилось болѣзнію, а душа нѣсколько очистилась, сей голосъ таинственный, но сильный, раздался. Какъ инструментъ обыкновенно устраивается изъ сухаго, утонченнаго дерева, безъ чего натянутыя на немъ струны не могутъ издавать

должныхъ звуковъ; такъ необходимо утончать и изсушать тѣло воздержаніемъ, а душу очищать непрестаннымъ покаяніемъ, чтобъ въ нашемъ Богозданномъ храмѣ могли слышаться вѣщанія Духа. Вы можете видѣть, что ощущеніе ваше мнѣ знакомо, что я говорю о немъ, какъ о своемъ. Я вѣрю, что расположеніе ваше ко мнѣ возрастаетъ; и еще болѣе будетъ возрастать оно, если мы будемъ направлять стопы наши къ Богу. Любовь естественная скоро можетъ насытиться и пресытиться; пресыщенный ею перестаетъ любить, можетъ удобно перейти къ ненависти: ибо и излишняя пища можетъ произвести дурноту и обремененный желудокъ перѣдко извергаетъ её. Но любовь, которой началомъ Богъ, не имѣетъ ни насыщенія, ни конца: потому что её питаетъ безконечный Богъ.—Когда я прочиталъ письмо ваше и увидѣлъ, что въ васъ начались движенія будущаго вѣка, которыхъ міръ сей ни вмѣстить ни понять не можетъ, то явилась во мнѣ мысль, что для васъ нужно будетъ, со временемъ, уединеніе, какъ способствующее къ развитію ощущеній и помысленій духовныхъ. Предъ уготовительнымъ занятіемъ къ уединенію должно быть святое покаяніе, исцѣляющее душевныя очи. Это тотъ цѣлительный для очей поллурій, который велитъ купить у себя Господь: ибо и нищета духа есть духъ Божій, приобретаемый человѣкомъ чрезъ сличеніе своего сердца съ Евангеліемъ. Сей поллурій отгоняетъ отъ очей души, которая есть умъ нашъ, счищаетъ съ нихъ всякую надменность, всякое о себѣ высокое понятіе, всякое признаніе въ себѣ какой либо добродѣтели. Скажите пожалуйста, въ какой одеждѣ всего приличнѣе стоять предъ Создателемъ человѣку, тому существу падшему? Думаю, что тотъ одѣвается прилично, кто въ молитвахъ своихъ весь одѣтъ въ покаянье. Сего сердечно желаю вамъ, какъ желаю и себѣ; потомъ желаю приготовленія къ вѣчности уединеніемъ. Сии желанія да видитъ Богъ и да творитъ съ нами не по желаніямъ нашимъ, но по Своей святой волѣ.

О Господь вамъ преданныйшіи

недостойный Архимандритъ Игнатій.

Октябрю 27-го дня. 1846 года.

Примите, бездѣннѣйшій Стефанъ Дмитріевичъ, мое усерднѣйшее поздравленіе съ наступившимъ новымъ годомъ, который желаю вамъ и съ чадами вашими препроводить въ вождѣлѣнномъ здравіи и совершенномъ благополучіи.— Благодарю васъ за дружеское письмо ваше и за приложенный при немъ отчетъ трудовъ

вашихъ, полезныхъ человечеству, угодныхъ Богу. Сердечно сожалѣю, что въ бытность мою въ Москвѣ видѣлъ васъ только въ зеркалѣ—въ дщеряхъ вашихъ. Поправилось ли ваше здоровье отъ путешествія въ чужіе края? А я лѣчусь и до сихъ поръ отъ застарѣлой простуды съ медленнымъ, но уже значительнымъ успѣхомъ. Всѣ иностранныя лѣкарства или вовсе не помогли, или помогли очень недостаточно; съ отличною пользою подѣйствовали самыя простыя средства: ванна съ солью и натираніе чистымъ дегтемъ. Теперь на опытѣ знаю, что предъ отечественнымъ дегтькомъ ничего не значать заморскіе оподельдоки — не только какая нибудь летучая мазь. Второй годъ продолжается мое лѣченіе — и сознаю, что состояніе лѣчащагося отъ хронической болѣзни труднѣе, нежели состояніе болящаго: отнимаетъ все время, дѣйствіе лѣкарствъ поставляетъ тѣло въ ненатуральное положеніе, отнимаетъ способности тѣлесныя и душевныя, отнимаетъ возможность умственныхъ занятій, держать въ состояніи непрерывающей усталости, какого-то онѣмѣнія и усыпленія. Человѣкъ—яко трава! Взойдетъ въ его тѣло какая нибудь посторонняя влага, займетъ мѣсто на путяхъ крови, разстроитъ ея обращеніе—и весь человѣкъ измѣнился не только по тѣлу, но и по душѣ, по уму! „Во обилии моемъ не подвижуся во вѣкъ“.—Этими словами пророкъ изобразилъ крѣпость человѣка, силу его при здоровіи тѣла, при здоровіи души, поучающейся день и ночь въ законѣ Божіемъ. „Отвратилъ еси лице твое, и быхъ смущенъ“. Эти слова вскорѣ послѣдуютъ за вышесприведенными—и какъ справедливы! Не говоря уже о душевныхъ искушеніяхъ, одно оскудѣніе силъ тѣлесныхъ есть искушеніе, и при изнеможеніи тѣла невольно изнемогаетъ душа. Вотъ, безцѣннѣйшій Стефанъ Дмитріевичъ, подробное описаніе собственно моего состоянія; внѣшнія же обстоятельства остаются такими, какими были и прежде: пріятное смѣняется скорбнымъ, скорбное смѣняется опять пріятнымъ. Да даруетъ милосердый Богъ рабу Своему встрѣчать то и другое съ одинаковымъ чувствомъ недовѣрчивости и холодности. Земныя печаль и радость приводятъ только въ суетное движеніе кровь: слово Божіе можетъ остановить это движеніе, сказавъ крови: „не только плоть, но и кровь царствія Божія не наследуютъ“.

Призывающій на васъ и на семейство ваше благословеніе Божіе вашъ покорнѣйшій слуга и богомолецъ Архимандритъ Игнатій.

Генварь, 1848 г.

Милостивѣйшій государь

Стефанъ Дмитріевичъ!

Получилъ я пакетъ, который ежегодно однажды возбуждалъ во мнѣ особенное чувство радости, отворяю его въ ожиданіи, что нищенствующая душа моя напится обильно словами любви, которыми всегда бывають полны письма ваши. Не случилось того! Я только увидѣлъ одинъ отчетъ печатный; не было ни одной вождѣльной для меня строчки. Видно, подумалъ я, Стефанъ Дмитріевичъ, при множествѣ дѣлъ своихъ, забылъ вложить въ пакетъ драгоценное письмо. Поэтому отъ васъ ничего не знаю о васъ.

Примите мое усерднѣйшее поздравленіе съ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ новымъ годомъ. Благословеніе Божіе да освѣтитъ васъ и чадъ вашихъ, и благодать Божія да хранить души и тѣлеса ваши. О себѣ скажу вамъ, что, по великой милости Божіей, чувствую себя лучше и лучше: начинаю уже укрѣпляться, и вижу въ себѣ возстановленіе способностей къ дѣятельности. Новый митрополитъ ¹⁾ добръ и правосуденъ, ко мнѣ довольно милостивъ; почему я нынѣ отдыхаю. Позвольте представить вамъ при семъ скудный отчетъ изъ нищенствующей души моей, мало собравшей духовной милостыни на пути и на торжищѣ земной жизни.

Многіе скорбящіе желали имѣть у себя списокъ „Чаша Христова“ ²⁾, чтобъ изъ этого чтенія почерпнуть утѣшеніе для душъ своихъ, это заставило меня напечатать „Чашу“, вообще издавать печатно *свое* я опасуюсь, видя свою духовную незрѣлость.

Съ чувствами неизмѣняющейся преданности и совершеннаго почтенія имѣю честь быть вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугою и богомольцемъ Архимандритъ Игнатій.

Сергіева пустынь,
декабря 22-го дня 1849 года.

2) Всегдашняя душевная настроенность, искавшая подвига, и постоянное болѣзненное состояніе держали мысль архимандрита Игнатія „на порогѣ вѣчности“ и побуждали его искать уединенія, бѣжать отъ хлопотливой жизни настоятеля многолюднаго монастыря, расположеннаго ктому же такъ близко отъ столицы съ ея многообразною суетой, отзвуки которой не могли не проникать во всякомъ случаѣ и за

¹⁾ Высокопреосвященный Никаноръ.

²⁾ Сочиненіе архимандрита Игнатія „Свѣдѣніе о Чашѣ Христовой“.

монастырскія стѣны. Всю зиму 1846 года архимандритъ Игнатій проболѣлъ. Весною 1847 года онъ просилъ увольненія на покой, но получилъ только отпускъ на одиннадцать мѣсяцевъ для возстановленія здоровья. Проведши все это время въ никола-бабаевскомъ монастырѣ, костромской епархіи, Игнатій въ 1848 году вернулся въ Сергіеву пустынь. 27 октября 1857 года онъ былъ посвященъ во епископа кавказскаго и черноморскаго. Въ своей рѣчи при нареченіи во епископа Игнатій говорилъ: „Въ дни юности моей я стремился въ глубокія пустыни. *Се удалихся бѣгая и водворихся въ пустыни; чаяхъ Бога, спасающаго мя отъ малодушія*, которымъ обличается въ человѣкѣ недостатокъ благодатнаго развитія, и *отъ бури* страстей, воздвигаемой обманчивыми и скорогибнущими прелестями міра. Монашество нравилось и нравится мнѣ само по себѣ! Но я вовсе не мыслилъ о служеніи Церкви въ какомъ бы то ни было санѣ священства... Не долго пользовался я свободою юности: скоро былъ опоясанъ и окованъ непостижимымъ Божественнымъ Промысломъ. Всемогущая десница Его, въ противоположность предположенію моему, внезапно восхитила меня изъ глуши лѣсовъ и пустынь и поставила въ обитель преподобнаго Сергія, на берегъ моря житейскаго, великаго и пространнаго“...

2 ноябрю въ Сергіеву пустынь пріѣзжала „проститься съ епископомъ Игнатіемъ“ великая княгиня Марія Николаевна, 3-го онъ самъ простился съ пустынею и переѣхалъ въ лавру. Въ первые дни ноябрю епископъ Игнатій откланивался у вдовствующей государыни въ Царскомъ Селѣ, отъ которой получилъ брилліантовую съ рубинами панагію, у великаго князя Константина Николаевича, у великой княгини Александры Іосифовны и наконецъ у Ихъ Величествъ. 4 января 1858 года онъ прибылъ къ мѣсту своего служенія, въ Ставрополь кавказскій. 5 августа 1861 года, по прошенію, уволенъ на покой въ никола-бабаевскій монастырь, гдѣ и скончался 30 апрѣля, въ недѣлю Жень Мироносицъ, передъ началомъ поздней литургіи. Погребеніе происходило 5 мая и было совершено преосвященнымъ Іонафаномъ, тогда епископомъ кинешемскимъ, викаріемъ костромской епархіи, а нынѣ

высокопреосвященнымъ архієпископомъ ярославскимъ, который сказалъ у гроба послѣднее прощальное слово въ память почившаго. Послѣ отпѣванія тѣло скончавшагося архіерея-аскета въ открытомъ гробѣ было обнесено съ крестнымъ ходомъ воо кругъ церкви св. Николая и внесено въ больничную монастырскую церковь св. Іоанна Златоустаго и преп. Сергія Радонежскаго, гдѣ гробъ и опущенъ былъ въ склепъ за лѣвымъ вѣлиросомъ ¹⁾).

По отзыву очевидцевъ, отпѣваніе почившаго епископа-подвижника производило скорѣе впечатлѣніе церковнаго торжества, нежели печальнаго обряда. Сердца вѣрующихъ, присутствовавшихъ на погребеніи, были исполнены упованія, что усопшему владыкѣ уготовано мѣсто у свѣтлаго престола Владыки всяческихъ. „Блаженни, ихъ-же избралъ и пріялъ еси, Господи!“

С. Г. Рункевичъ.

¹⁾ «Сочиненія», т. I, стр. 79—80, жизнеописаніе.